

ЛАРИСА ОЛЕНИНА

ДОМ
ВОСХОДЯЩЕГО
СЧАСТЬЯ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2023

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4
О 53

*Издание осуществлено при финансовой
поддержке департамента культуры
Воронежской области.*

О 53   Оленина Лариса
ДОМ ВОСХОДЯЩЕГО СЧАСТЬЯ.
Повесть и рассказы \ Под общей редакцией Валентина Нервина. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. – 152 с.

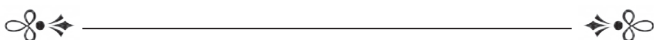
Лариса Оленина – прозаик, поэт, переводчик, член Союза российских писателей. Автор 12 книг, в том числе трех книг для детей. Лауреат международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», лауреат 1 премии международного Бунинского конкурса, дипломант международного литературного конкурса «Созвездие духовности». Книга «Дом восходящего счастья» продолжает творчество автора в жанре детской литературы.

ISBN 978-5-4420-1047-3

© Оленина Л., 2023

В оформлении передней стороны обложки использован коллаж Ларисы Олениной на основе работы победительницы конкурса «Дом моей мечты» Лолы Бойматовой (г. Хабаровск).

Задняя сторона обложки оформлена работой Ларисы Олениной «Автопортрет».

ДОМ ВОСХОДЯЩЕГО СЧАСТЬЯ

Ночник-лилия красными лепестками раздвигает темноту, Детка смотрит на него и поет воинственные песни. Напряженный голосок ее долетает до темных углов комнаты, отпугивая засевшие там страхи.

Я вижу это зрением памяти, уже умея переводить увиденное на язык слов, мне легче, чем Детке, еще не имеющей этого спасительного умения, этой словесной магии, укрощающей страх жизни...

Отсюда, из сегодняшнего дня, мне жаль испуганную девочку, но из памяти появляется Ба в вязаном жилете – за окном зима, в комнате прохладно...

– Поёшь? – спрашивает она, – пой, голубушка, пой... и не заметишь, как явится Бабай... он таких певуний забирает без разговора... слышишь, уже стучит когтями...

Мне видно, что это не Бабай, а сама Ба постукивает по двери, но для Детки этот звук материализует воображаемые страхи, и тот самый Бабай появляется.

Многолапая сороконожка движется по стене, доползает до ковра над кроватью... Ковер вышила Ба, он не даст Бабаю добраться до Детки.

– А в сон Бабай не пролезет? – на всякий случай спрашивает девочка.

– Я ему задам... пусть только попробует, – угрожает Ба кому-то невидимому в темноте...

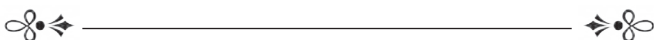
И Детка закрывает глаза... Но не плотно, а чтобы могли скользнуть под веки уже летающие по комнате разноцветные стрекозы снов... Стрекозиные крылья радужными полосками пляшут в темноте, рисуя сновидения...

А Бабай, уползая в свою угловую пещеру, озадаченно почесывает клешнями затылок многоглазой головы. Он удручен, его опять не поняли.

– Эх, эти взрослые, – досадливо думает чудище, – уже всё забыли... а ведь в детстве как любили рассказы про Черную руку, про Призрака-душителя, про кровавого Могильщика... лишили Детку моей суперстрашилки... о, моя гениальная страшилка, ты лишняя в этом взрослом прагматичном мире...

Но тут Бабай застывает на месте, хихикает беззубо и, выкатывая глаза из зеленых орбит, гудит гугниво:

– О-ля-ля, как я мог забыть... зритель есть... есть отличный зритель...

Бабай просачивается сквозь стену в сумрачный подъезд с облупившимися стенами и запахом вчерашнего борща, оглядывается и ползет расплывающейся зеленой кляксой вверх, к чердаку... Там, у окна, глядя вниз, в темнеющий пролет двора, раскручивает пропеллер, готовясь к полету, местный Карлсон*, любитель страшилок...

 летающие стрекозами сны уже не скользят под мои веки, и местного Карлсона давно не видно вылетающим из чердачного окна. Реальность стала сильнее фантазий. Но иногда она становится слабее воспоминаний. Хотя зачем тратить живые силы бытия на то, что уже не изменить?..

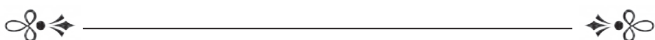
Но влекут воспоминания, притягивают...

Кто объяснит, почему сейчас переносюсь я памятью из сегодняшнего летнего вечера с всплесками случайного фейерверка за окном, с уютным бормотаньем телевизора за стеной в давний зимний день... И вижу, как Муся пытается увести упирающуюся Детку от расцвеченного огнями кинотеатра.

В тот день Детке был обещан веселый фильм, и она не понимает, почему ее не

---

* Герой книги Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

ведут в кино. Ведь Мусик, Деткина тетька, выходная, она обещала!

– Хочу туда, – кричит девочка, вырываясь и убегая назад, к зовущим афишам кинотеатра.

Мусик ловит ее у самых дверей, подхватывает на руки и несет подалее от толпы, вытекающей из зала после сеанса. Опустив на землю, говорит:

– Ты почему не слушаешься?.. я тебя больше брать никуда не буду...

– Ну и не бери... я не твоя... у меня папа-мама есть... хочу кино, – и Детка с плачем падает в снег.

Мусик не без труда поднимает тяжеленькую в шубке девочку:

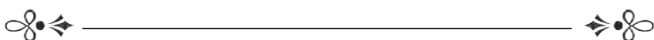
– Перестань кричать... пойми, это фильм для взрослых... ты ничего не поймешь... и мало ли что ты хочешь, – говорит сердито, – мне тоже много чего хочется... но есть такое слово – нельзя... Ты что, не знаешь его? – спрашивает, отвлекая от истерики.

Но Детка ничего не слышит и опять бросается на землю.

Ее плач останавливает проходящую мимо женщину.

– Эх, ты, – стыдит Мусик, – вон, гляди, чужая тетька на тебя смотрит и думает – фу, какая плакса-вакса.

Детка замечает зрительницу и мигом затихает, позволяя Мусику поставить себя на ноги, и шепчет, всхлипывая:

– Прости...

– За что тебя простить? – уточняет Мусик воспитательским голосом.

Детка на новом витке раздражения кричит:

– Прости меня, прости...

– Хорошо-хорошо, я тебя простила, – успокаивает Муся, но в ее глазах Детка не видит прощенья и с отчаяньем повторяет:

– Прости меня, прости...

– Да успокойся, я уже простила, – уговаривает Муся...

Но девочка, обхватывая ее колени, твердит сквозь плач:

– Прости меня, прости...

Детка не верит словам, ей нужен какой-то, известный только ей, признак полного прощенья...

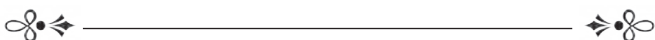
Где-то в кинозале уже идет фильм с непонятным Детке взрослым сюжетом, а здесь реальность творит свой сюжет с той самой слезой ребенка, которую нельзя игнорировать, что Мусик и делает, завершая эпизод хэппи-эндом* в детском кафе...

Великий детский транквилизатор – пломбир с шоколадной присыпкой и малиновым сиропом – вполне годится для заглаживания вины.

А Детка великодушна – она помнит о несбывшемся празднике до первой ло-

---

*Счастливым концом (англ.).

жечки мороженого, положенного в рот за столиком праздничного кафе...

Мое воспоминание зацикливается на этой сладкой сценке, и я кружу по кафе, вдыхая запахи кофе, шоколада и сиропов, которыми поливают разноцветные шарики мороженого. Проходя мимо столика Муси и Детки, я вижу, как нарядный настольный гномик подмигивает девочке:

– Что, жизнь налаживается? – спрашивает он, теребя бороду, – а ты обрыдалась... правда же, мое мороженое вкусней, чем кино...

– Это мороженое твое? – удивляется Детка.

– Конечно... у тебя в розетке мой фирменный «Клад номер два с малиновым сиропом», – гордо оповещает гномик, облизываясь розовым язычком.

И Детка догадывается:

– Ты хочешь угощения?

Она подносит ложечку с мороженым к его красным губкам:

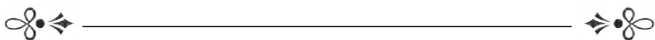
– Ешь, не стесняйся...

– Что ты делаешь, – останавливает Мусик девочкину щедрость, – ты испачкаешь гнома.

– Гномик тоже любит мороженое, – объясняет Детка, продолжая ласково предлагать Гномику, – ешь, ешь...

Так они и едят попеременно – ложечка Детке, ложечка Гномику, косящему

синим блестящим глазом на Мусю. Видимо, опасается, что та прервет угощение...

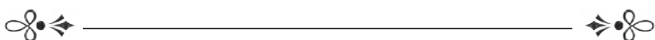
Фарфоровый гномик из кафе теперь остался только в моей памяти, только я одна вижу, как по ночам он сбегает в ближний парк и деловито копает землю, пряча свои сокровища...

Память заселена существами, увязшими в ней вместе с кусочками жизни, и все они считают свои эпизоды главными. Если вызвать этих поселенцев памяти в реальность, то оторопеешь, глядя на эту компанию – кого только здесь нет!

Гномик безопасен и приятен на ощупь, к нему никаких претензий. А вот жестокие воспоминания надо бы изгнать напрочь из памяти! Но это не в моей власти. Я только могу, делая вид, что не знаю о них, вернуться памятью к предшествующему времени, когда еще все было хорошо...

Когда выходили на прогулку плакатные «Папа, мама, я – дружная семья», и Детка, серьезничая, везла коляску с агукающей Манюней. И никто не знал, что этого плакатного детства осталось всего ничего... Что вскоре сестры обе окажутся в доме Ба...

А там, подобно тому, как были поделены игрушки, так же, в индивидуаль-

ное владение, были разобраны и дочери Ба – Муся досталась Детке, а Манюня завладела сестрой Муси, переименовав ее в Ма.

Ба осталась общей, и она повела домашний ковчег вперед, дальше от печальных воспоминаний... Но некуда было деться от них, они набрасывались внезапно, и тогда приходилось превращать их в невидимок, чтобы не тянуть печаль жизни в детский мир, не отягчать его начальную новизну...

Вот это Манечкино платье, которое шьет Ба, вполне вписалось в начальную новизну жизни, и на примерке Маня стоит, вытянувшись в струнку, пока Ба намечает длину платяца.

– Вот умница, – хвалит Ба послушную внучку, – золотая девочка... нигде такую не найти...

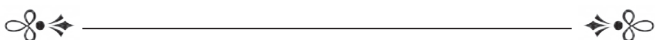
– Даже в Африке? – уточняет Маня.

– Да что там в Африке, да нигде-нигде...

– Только тебе повезло, – ласково говорит Манюня, парадно выпрямляя спинку.

Ей, длинноногой и узкотелой непоседе, это дается нелегко, но, наконец, примерка закончена, и, расслабляясь, девочка гладит Ба по голове.

– Лапочка моя, – говорит покровительственно.

Платье ей нравится, оно пушистое на ощупь, как и лежащий рядом с Ба кот Рыжик. Манюня уютно усаживается рядом, поглаживая то кота, то приятную материю обнови.

– Снимай, снимай, – говорит Ба, – я дошью, тогда и будешь фасонить... «откутю» еще не готово...

Одежда из магазина совсем другая, не такая, как «откутю», пошитая Ба. Слово это нравится Мане, к тому же оно иностранное, как объяснила Детка.

А вот и сама Детка, распахнув дверь, вбегает с криком:

– Маня, куда делась Фрося?

– Не знаю, – шепчет Манюня, пытаюсь вспомнить, куда могла деться нарисованная Деткой кукла.

Представляя горести потерявшейся Фроси, Маня в ужасе. Любимая ее книжка «Новая игрушка» – как раз о потерянной кукле, пережившей много злоключений. Наверное, теперь обречена на них и Фрося! Заплакать Манюне ничего не стоит, и тут же обильные слезы льются из ее глаз.

Вид Манюни так жалок, что Ба выговаривает Детке:

– Вот опять ты расстроила Маню... зачем доводить сестру до слез... иди теперь без нее играй...

– А пусть скажет, где Фрося...

– Оставь Маню в покое... не подходи к ней, если не умеешь играть, – сердится Ба, и Детка удаляется за дверь.

Ба обнимает плачущую Манюню, но та вдруг отстраняется:

– Не подлизывайся...

Сидящая здесь же Мусик, оторвавшись от чтения, уточняет:

– Ты думаешь, что Ба подлизывается, потому что наказала Детку?

– Да, – Мане жаль сестру.

– Но Детка сама ведь виновата, зачем тебя расстраивает... да еще и оговаривается, – пытается Мусик оправдать справедливость наказания.

Однако детская солидарность превышает справедливости взрослых, и Маня угрожает:

– Вот возьму и уйду от вас.

– Уходи, если здесь не нравится, – говорит Ба.

Шантаж не срабатывает, и Мане надо найти удерживающее от ухода обстоятельство.

– А как же Лошадка и Медвежонок?

– Можешь забрать их.

Тогда Манюня со своей милой гри-маской доверительности идет на попытку:

– Да я понарошку...

– И я понарошку, – Ба берет платье, разглядывает и говорит удовлетворенно:

– В этом «откутюре» тебе на праздник можно..

– На какой? – уточняет Маня.

– Да можно и на теперешний, – смеется бабушка и начинает напевать веселую мелодию. А Мусик надевает Мане венок с лентами, та смеется и кружится по комнате... И летят по воздуху, развеваются красные, синие, желтые ленточки...

А из-под стола, приподняв кисти скалтерти, выглядывает Фрося, рисованная красавица в цыганской юбке с золотым шитьем, в жемчужном кокошнике, и, поправляя кружева на рукавах, шепчет:

– А я все равно красивее... у меня тоже «откутюр», только Деткин...

– Ах, вот ты где, – Мусик говорит шепотом, она не вмешивается в кукольные конфликты, – спряталась и молчишь... а из-за тебя ссора... нехорошо...

– У меня игра в прятки... я лучше всех прячусь, – хихикает, скрываясь под скалтертью индивидуалистка Фрося в придуманном Деткой «откутюре»...

Рисовать – незамысловатое занятие: точка-точка-запятая – вышла рожица кривая, палка-палка-огуречик – вот и вышел человечек. И шагает в мир армия огуречных человечков, обрастая деталями эпохи, через которую

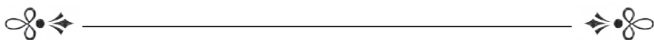

двигаются взрослеющие художники. Человечков обряжают, вводят в интерьер, не спрашивая на то их желания. Приобретенные детали постепенно скрывают от глаз первоначальный замысел: точка-точка-запятая... И у человечков, раздраженных вынужденным своим самозванством, портится характер... Что, пожалуй, и случилось с Фросей, точнее с мадам Фро, как желает она именоваться в соответствии с Деткиным «отку-турством»...

А Детка, отбивая хлеб у Славы Зайцева, Роберто Кавалли и прочих академиков кройки и шитья, нарядила красавицу Фро в волнистую цыганскую юбку, блузку со слоистым воротником испанской герцогини и кокошник русской крестьянки. Рискованно комбинируя одежды всех времен и народов, она бескровно переустраивает взрослый мир доступными ей средствами – красками и карандашами. Эта революция обходится без жертв.

Но как тяжело переделывать взрослый мир посредством слова. Даже в отдельно взятой квартире попробуй восстановить хотя бы кошачью справедливость, чтобы три обитающих здесь кота – Рыжик, Маркиз и Димка – не были ущемлены в правах.

– Чем Рыжик лучше... почему он спит в комнате, а остальных выгоняют в ко-

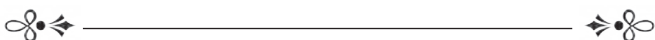
ридор, – возмущается кошачьим неравенством Детка.

– Извините, но мне тоже интересно, почему, – поддерживает ее Маня.

Сейчас ей нужен Димка для танцевания. Она пытается научить кота вальсу, но занятия прерываются его частыми загулами. Димка из кошачьих цыган, появляется в доме только по причине плохой погоды или крайнего истощения. Сегодня именно плохая погода привела его в лоно семьи. Воспользовавшись моментом, Маня продолжила занятия хореографией: положила себе на плечи Димкины передние лапки и, обняв его костлявую спинку, водит по кругу, напевая вальсок. Хвостатый партнер послушно семенит кошачьим шагом, переваливаясь, но не успевая за танцевальными па.

А Детке сейчас жаль прерывать сон Маркиза. Черный, с белой звездочкой на груди, он уснул у нее на коленях и храпывает простуженным носом. Найденный ею на улице, кот в беспризорном своем детстве едва не был заеден блохами и на всю жизнь так и остался болезненным кошачьим лилипутиком.

И только Рыжик – сибирский котище с роскошной золотистой шубкой – вальжно развалился в кресле и следит за происходящим, чуть шевеля кончиком

хвоста. Он кошачий аристократ, очеловеченный Ба до того, что применяет унитаз для своих кошачьих потребностей. За обедом кот обычно сидит на коленях у Ба и, как ни голоден, даже усом не поведет, чтобы попросить или, тем паче, покуситься на человеческую пищу.

Уже прошли «Спокойной ночи, малыши», и вразрез с детским распорядком коты готовы устроить ночные игры, и тогда никому не уснуть.

– Так, без всяких пререканий Димку и Маркиза отправляем в коридор, – решительно говорит Ма.

– Это несправедливо, – настаивает Детка, – всех, так всех выгонять для справедливости.

– Уравниловка не имеет никакого отношения к справедливости, – назидает Ма, – давайте прочитаем, что главное для справедливых отношений.

Она достает с полки книгу.

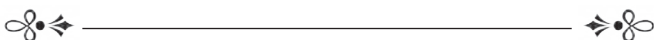
– Читай, – говорит Детке.

– Справедливость – это относиться к разным индивидуумам по-разному, – читает Детка.

– А у нас все коты индивидуалисты, гуляют сами по себе, и уравниловка к ним неприменима... так что, Димка и Маркиз, марш на выход!

А Рыжик, удобнее устраиваясь в кресле, глубокомысленно изрекает:

– Кстати, к вопросу об индивидуальности... лично я люблю огурцы... очень вкусно, рекомендую.

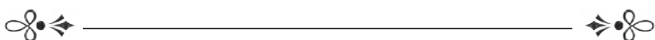
Аля хищника Рыжика жевать огурцы, возможно, атавизм, оставшийся от какого-то прапрапредка. Почему бы не предположить, что время превратило длинноухого травоядного кролика в короткоухого хищника-кота. Чего только не случается в природе.

Наверное, и у Детки от каких-то необозримых прапредков осталась страсть к индийской экзотике.

Она и сама похожа на индианочку – по-восточному смуглая, со смоляной косой... И голосок, как у индианок из слезливых фильмов с Радж Капуром.

Возможно, и калмыцкая сказочная книжечка «Красавица Насто» любима Деткой в той же струе восхитительной экзотики – на обложке Насто в монистах, серьгах, короне, то есть во всем великолепии рисованной красоты, и Детка, в который раз перелистывая книжечку, вдохновенно преображается – на юбку повязывает цыганский платок, голову короной украшает шерстяная шаль...

Перевоплотившись в красавицу Насто, она поет тоненьким с нежными переливами «индийским» голоском какую-то абракадабру. Даже система Ста-

ниславского не могла бы лучше научить Детку такому полному перевоплощению.

Содержание звучащей абракадабры загадочно, но по жестам Детки можно догадаться, что проигрывается трогательная индийская история и зрители уже должны обрыдаться от жалости...

Но зритель сейчас единственный – Ма. Она работает, щелкая клавиатурой серого чемоданчика.

– Ну, ты настоящая индианка... хоть сейчас можно снимать в кино, – говорит Ма педагогично: детские страсти следует поощрять, и она добавляет, – вырастешь, станешь артисткой.

Но Детка вразрез со стереотипным девическим согласием вдруг сообщает, прервав индийский вокализ:

– Мое самое счастливое желание – выиграть десять тысяч, потом на такси поехать в Москву... потом покататься на Красной площади и потом ехать в Среднюю Азию.

Ма пробегает пальцами по клавиатуре в сером чемоданчике.

– Не в деньгах счастье, – говорит весело, – и без десяти тысяч устроимся... а ну-ка, Детка, вперед и с песней... такси под окном... слышишь, сигналит...

Детка, восхищенно ахнув и вильнув цыганским платком, индийско-калмыц-

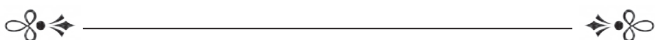

кой красавицей Насто сбегает во двор к урчащему мотором белому таксомобилю... И такси трогается...

О, что творится на Красной площади! Военный оркестр играет торжественно и печально... Со ступенек мавзолея упругим шагом спускаются гвардейцы и, отдавая Детке честь, вышагивают мимо такси. А замыкающий строй маленький гвардейчик протягивает ей огромную коробку любимых «Трюфелей» прямо в окно автомобиля...

А сразу за частоколом столичных небоскребов – вот она, Средняя Азия! По желтому песку уныло бредет караван, но, завидя белое такси, верблюды приосаниваются, выравнивают ряд, и бородатый погонщик в чалме и расписном халате, сидя на переднем животном, щелкает хлыстом, и звук жестко разносится в безмолвии пустыни.

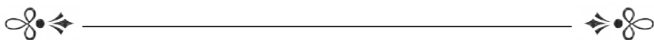
Но мощное авто, не останавливаясь, стремительно удаляется от неторопливо бредущих верблюдов, Детка прощально машет отстающему каравану, и авто ныряет в ночь, расцветенную среднеазиатскими звездами, такими огромными и близкими, что кажется вот-вот достанешь... Детка хочет достать ближнюю звездочку, протягивает к ней руку и тут же отдергивает – звезда обжигает пальцы...

Но самое счастливое Деткино желание исполнено. Хотя оно и не совсем ее, а заимствовано из рассказа о столичном кузене, вдруг пожелавшем взглянуть, как на желтом песке пустыни смотрятся караваны коричневых верблюдов. Долго не раздумывая, решительный кузен на первом отлетающем самолете отправился в Среднюю Азию... Устроил себе юноша праздник желания, никого не поставив в известность...

Этот его экспромт стал семейной легендой... Легендой о празднике, который всегда рядом...

Конечно, праздник оказывается рядом не всегда, но тогда под рукой имеется серый чемоданчик – самая необходимая вещь там, где есть дети. Это не старик Хоттабыч, которому нужны достойные апартаменты, не золотая рыбка, которая не может жить без моря, не джин, которому никак нельзя без персональной бутылки... Чемоданчик скромн, ничего не требует, кроме детских желаний, которые для него, как бензин для автомобиля. Чемоданчик весьма потрепан, поскольку достается вам переходящим призом от тех, у кого дети выросли и уже не верят в причастность этого дорожного аксессуара к исполнению желаний. Именно эту радостную функ-

цию и осуществляет этот призовой кейс или саквояж.

Примерно такой, как появившийся в доме с приходом Детки и Мани серый чемоданчик. Домашний маг, он исполняет только детские, по сути, желания.

Желание выиграть в лотерею именно из таких, детских. Но Мусик не раскрывает секрет, что это он, серый чемоданчик, устроил ей прежний выигрыш, и, вбегая в комнату, оповещает:

– Ура, ура, я опять выиграла.

Совсем недавно в книжную лотерею она выиграла детектив Чейза и сказки Андерсена.

– Опять книжку? – спрашивает Детка.

– Нет, денежки... и можем потратить их на что захотим.

– Прости, я тебя перебью, – вступает деликатно Маня, – можем даже в игрушечный пойти?

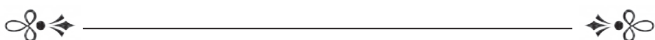
Игрушечный отдел в ближнем магазине ею досконально изучен.

– Непременно... туда и пойдем, – радуется наводке Мусик.

Но девочки сразу не могут оторваться от рисования.

– Ты хочешь посмотреть, как мы рисуем? – спрашивает Манюня. И доброжелательно предлагает:

– Садись... садись, тоже рисуй... я тебе помогу, – обещает великодушно.

– Вы что, не поняли – деньги с неба свалились и хотят потратиться скорее, – возмущена Мусик.

Для девочек трата денег – это всегда пожалуйста, хоть сто порций!

И Детка вскакивает первой...

В ближнем магазине Маня сразу находит самое-самое – это круглый значок с длиннохвостым Микки-Маусом.

– Мне, пожалуйста, это, – указывает на значок.

Детка же никак не сделает выбор.

– Все подряд покупают только нехозяйки, – серьезничает, изучая витрину, – сейчас купишь ерунду, а когда будет что-нибудь интересненькое, денег не останется.

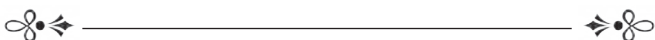
Тогда Мусик передает деньги Детке:

– Сама распорядись, – говорит, наблюдая, что сделает Детка, став хозяйкой денег.

А та тотчас покупает мультяшный значок, прикалывает его Мане на кофточку... Сдачу же оставляет у себя, вероятно, для того самого «интересненького».

Мусик не знает, педагогично ли позволять детям самим распоряжаться финансами, и замечает, что у нее в детстве не было своих денег. На что Детка парирует:

– Вот ты и выросла транжиркой.

Манюня еще не доросла до критики, ей всякий подарок в радость, поскольку подарки увеличивают радость Вселенной. Так говорит Мусик.

И сейчас Вселенная, глядя сквозь пропыленное окно магазина на радостную троицу транжир, проматывающих упавшие с неба денежки, чувствует в себе увеличение радости и встряхивается, как мокрый щенок, рассыпает вокруг себя каплями выигрыши, сюрпризы, находки...

Так что Детка, выходя из магазина, наклоняется за блеснувшей в пыли монеткой...

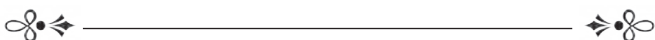
– Чур моя находка, – восклицает радостно, прибавляя монетку к остаткам выигрыша для покупки пока еще не встреченного интересенького, – вот у нас уже...

И Детка пересчитывает монетки и называет сумму богатства Мане, снизу вверх обожающе глядящей на нее...

Вселенная довольна...

– А Вселенная – это все, что вокруг нас, – объясняя Мане существование Вселенной, Мусик разводит широко руки, будто пытается охватить что-то необъятное...

Этот Мусин жест, охватывание необъятного, я извлекаю из памяти и тоже развожу руки широко-широко, пытаюсь

представить, что держу в руках и Землю, и небо, и космос, и то, что за ним...

Но рук не хватит, чтобы объять Вселенную, окружающую дом, заглядывающую с небес в окна Девой, Водолеем, Близнецами, Львом – астральными хранителями пассажиров домашнего ковчега...

На этих персональных созвездиях трудятся аккуратные Звездные Мальчики, поливают ростки детских желаний из своих блестящих астральных леечек, чтобы Деве, Водолею, Близнецам и Льву было виднее, какие желания первостепенные. Пожалуй, к их просьбам Вселенная прислушивается и, как Детке на выходе из магазина блестящую монетку, подбрасывает капельки радости в дом.

И тогда Мусик прямо с порога сообщает:

– Маня, а тебе Уточка-хромоножка подарочек передала.

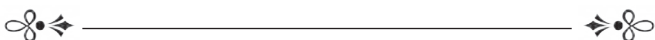
И долго роется в сумочке, пока ожидание Манюни не дорастет до подпрыгивания со сложенными умоляюще ладошками.

– Ой, – следует восклицание при виде подарочка.

Мусик довольна. Это она придумала Уточку-хромоножку, которая и передает Мане подарочки.

Осчастливленная Манюня восклицает:

– Ты позови ее, голубку, в гости, – и, закончив разглядывание Уточкиного подарочка, восклицает, – ой, а мне и Зайчик опять звонил!

– Да? – удивляется Мусик, – и откуда он звонил?

– Из Заячьего Диснейленда, – радостно сообщает Маня.

Есть такой придуманный Мусей парк, где вечный праздник зависит только от сезона, а веселья там хоть отбавляй. И сегодня Зайчик, по Мусиному сценарию, сообщил Мане, что собирается туда на Капустный вернисаж, куда каждый посетитель принесет рисунок любимого заячьего лакомства.

– А что сейчас там? – притворяется ничего не знающей Мусик.

– Там праздник...

Манюня задумывается, она забыла заковыристое название праздника...

– Капустный вернисаж, – подсказывает Мусик.

– Да-да, – соглашается Маня и тут же сообщает:

– Я уже позвала Зайчика в гости... и он обещал...

Как ясно моя память вырисовывает сумеречное освещение прихожей, старинный шкаф и высокое поцарапанное зеркало, Маню, прижавшую к уху великоватую для нее телефонную трубку.

Этот антураж далек от праздничности телефонных рассказов Мусика о Заячьем Диснейлэнде. Но Маня уже поверила, что где-то, кроме обыкновенной жизни, кипит и фестивалится другая, праздничная, о которой и распевает Манечка песенку собственного сочинения:

– Радость есть, радость есть,

Ты, мечта, раскройся...

Переполненная чувствами, она вбегает в комнату, где что-то пишет за столом Мусик.

Но та, оторванная от работы, смотрит на девочку так, что Маня ретируется, осторожно затворив дверь.

Однако, немного погодя, Манюня все же на цыпочках, но возвращается. Мусик, выведенная из рабочего состояния, теперь стоит у окна, глядя во двор. Там дождь... Осень...

– Извини, я тебя потревожу, – делает тактичное вступление Манюня, – ты почему просто так стоишь, а не пишешь?

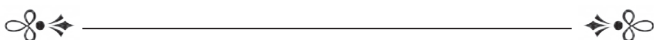
– Грустно, – жалуется Мусик, – как-то неинтересно ...

– Только дуракам грустно, – уверенно констатирует Манюня.

Мусик заинтригована:

– А тебе жить интересно?

– Я на всякие глупости не отвечаю, – говорит Манюня, с достоинством удаляясь и продолжая петь свое заклинание:

– Радость есть, радость есть,

Ты, мечта, раскройся...

И вскоре приносит Мусе рисунок.

– Возьми, это слон Розовая Мечта,
– говорит, демонстрируя нечто облако-
образное, в розовых тонах, с празднично
трубящим в голубизну неба хоботом.

Вероятно, от смутного предчувствия
сложностей взрослой жизни и родился
этот Слон-Мечта, который был от дет-
ских щедрот пожалован загрустившей
Мусе... А что она? Повеселела ли?

Безмолвствуют воспоминания на этот
счет...

Но крутится под Манину песенку
виртуальная карусель, на которой слон
по имени Розовая Мечта весело трубит,
зазывая...

Детским мечтам когда-нибудь догадаются
ставить памятники в виде разноцветных
клубов дыма. Только дети умеют мечтать,
что называется, в дым. И пусть в этих па-
мятниках клубы сбывшихся желаний пере-
межаются с дымами несбыточных ...

У Мани тоже есть одна неисполни-
мая мечта, приводящая ее в дур-
ное настроение. Чаще всего, она мате-
риализуется, когда сумрачное утро не
обещает ни проблеска солнца и только
дождь стучит по подоконнику, будя Ма-
нюню...

– Отпросись с Работки, – гундосит она сонно Мусе, – скажи... у меня *бебёнок* (ребенок)... ну, отпросись с Работки... отпросись...

– Хорошо, – соглашается Мусик, – если дядя-начальник добрый попадетя, он отпустит, а если злой, то прикажет: «*Ребенок* подождет, иди работать».

– А ты ему скажи... если бы у него *бебёнок* дома плакал... тогда он и отпустит...

– Да ты пойми, там за меня никто работу не станет делать... и она будет прибывать и прибывать, пока не завалит меня с головой.

Манюня представляет, как Мусе на голову валится Работка, и находит выход:

– А ты уходи делать не всю Работку, а только половинку.

– Тогда и зарплаты будет половинка... и купить сможем только половинку еды.

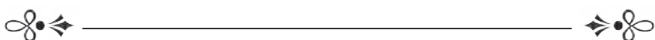
– Вот ты и похудеешь, как хотела, – вспоминает Маня недавний взрослый разговор о диете...

Видя, что Мусик все же молча собирается, Маня идет к Ма:

– Не ходи на Работку, – предлагает ей, – давай, как тетя и дядя, будем петь, а нам копеечки бросать будут.

Недавно на улице они видали поющих нищих.

– Так ведь дядя и тетя калеки, они работать не могут, – объясняет Ма.

– Я тоже не могу, – объявляет вполне резонно Маня.

– Но я же могу, – Ма решительно собирается уходить.

Манюня, глядя на безрадостную картину сборов, находит компромисс:

– А пусть Мусик ходит работать, а ты, пожалуйста, останься... пожалуйста, – предлагает, всхлипывая...

Но ни слезы, ни двойное «пожалуйста» не действуют...

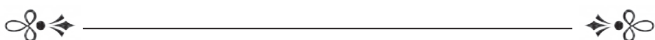
– Моя самая главная мечта, – всхлипывает Манюня, – проспять до субботы, когда вы на Работку не уйдете.

Но, увы, Мусик уже открыла дверь...

И в прихожую вихрем врывается заждавшаяся Работка... Первой влетает многоэтажка, туда Маня уже провожала Мусика... Окна ее горят, и видно в них множество дядей и тетей, которые бегают по комнатам и разбрасывают бумаги... И горы бумаг летят вниз, к Мусику, и та уже по колено в бумажных сугробах, и растерянно смотрит на этот бумагопад.

– Ой! – кричит Маня, – они закопают тебя, убегай!

Но вместо бегства Муся хватается бумажку за бумажкой, что-то черкает на них, подбрасывает вверх, откуда они прилетели... И бумажки чудесно исчезают... Скоро уже Мусику приходится,

вытирая со лба пот, наклоняться, чтобы поднять очередную бумагу...

И Маня облегченно вздыхает – Работка не завалила Мусю с головой.

Вот он – счастливый финал! Грустные обстоятельства не исчезли, но без них не было бы и радости. Закон хэппи-энда прост – в неизбежной неприятности найди слабое звено и прорвись через него к радости.

И такую неприятность, как неизбежность Работки, можно компенсировать прорывом к радости свободных вечеров.

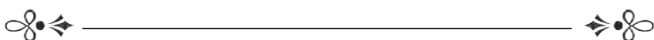
И когда усталые, но довольные, Ма или Мусик появляются в дворовой арке, то, оторвавшись от игры, Маня и Детка наперегонки припускают к ним через весь двор. Встречанье стало игрой: кто первый заметит, кто первый добежит...

Но Работка регулярно отправляет Ма куда-то далеко в командировки, и тогда только одна Муся возвращается по вечерам домой, и все встречанье достается ей.

Однако сегодня только Манюня оторвалась от игры и, бросив игрушки, бежит к Мусе, от переполняющей радости ругательным тоном крича:

– Приветик-семицветик...

А Детка не может бросить занятие, она делает «секретик» – под стеклышко

в земляную ямку кладет бумажечку с записанным желанием, чтобы оно исполнилось. Здесь главное – чтобы никто не отыскал твой «секретик».

Закончив дело, Детка встает и молча идет к Мусику. И Мусе становится грустно – неужели девочка уже переросла встречальную игру?..

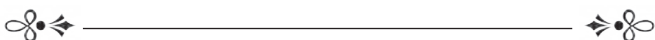
Этим вечером Муся выходит во двор и под тополем, где уже выросла целая роща побегов, закапывает свой «секретик», накрывает стеклышком записку: «Хочу, чтобы Манюня и Детка подольше оставались детьми».

И укрывает свое желание опавшими листьями...

Взросление детей идет параллельно со старением взрослых, эту неизбежную неприятность ничем не компенсировать, и, конечно, записка Мусика в «секретике» отчасти эгоистична...

Но сейчас память моя только возвращает эту жизненную сценку, как фотограф снятый некогда снимок, без всяческих оценок, назвав этот эпизод «"Секретик" грустившей Муси».

В такие дни, оставшись без Ма, Мусик становится сказительницей и перед сном, расположившись на диване между Маней и Деткой, начинает фантазировать.

Маня внимательно слушает, и вдруг замечает:

– Ты пахнешь материнским, а Детка сестринским.

Детка на Манино замечание смеется.

– Что за смех? – спрашивает Мусик.

– Манька по нюху родных разделяет... а как Ба пахнет, скажи?

Маня быстро находитя:

– Духами из красной коробочки.

И тут же предлагает Мусе:

– Давай ночное кино посмотрим... тебе же легче, маленькая... тебе надо-есть не будем – «расскажи сказочку... расскажи сказочку»... и у тебя будет отды-хание...

Но сегодня отдыхание отменяется, потому что Мусик сочинила очередную серию сказочного сериала, который рас-сказывает на сон грядущий.

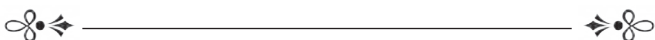
Уже засыпая, Манюня вдруг начинает хныкать.

– О чем печаль? – спрашивает обес-кураженная Муся. Кажется, нет никаких причин для печали – сказка на ночь рас-сказана, сюжет ее с хэппи-эндом...

– Хочу Ма *поселёвать* (*поцеловать*), – уже всхлипывает Манюня, – почему ее Командировка не отпускает...

Только дети могут плакать оттого, что рядом нет того, кого хочется поцело-вать...

Но коротки детские печали, и успокоенная Маня, обнимая Мусю, говорит сонным голосом:

– Я к тебе привыкла, но и к Ма привыкла... когда она вернется, я не твой, а ее сказки буду слушать... а то она скажет: «Я думала, ты меня любишь, а ты меня бросаешь»...

И тут из-под кровати выползает Чудо-Юдо-Рыба-Кит и приваливается к дивану, бормоча:

– ...королева прошла в Звездоплав... прошла в Звездоплав...

Мусик ошарашена.

– Что это за фрукт, – спрашивает, разглядывая, – ни рук... ни ног... еще и заикается...

– Это из сказки про королевский Звездоплав... Ма из-за командировки не окончила ее, – Манюня вдохновляется рассказать, но Мусик торопит:

– А что с этим Чудом?

Маня вспоминает:

– Это оно... мучается... ждет ... чтобы Ма досказала сказочку... она закончила на том, что Королева вошла в Звездоплав, а там это Чудо-Юдо-Рыба-Кит... и теперь оно не знает, что с ним сделает Королева... мучается...

Чудо-Юдо-Рыба-Кит хлопает ресницами, закатывает глаза, кивает головой,

подтверждая – да, мучаюсь... да, не знаю... а так хочется узнать...

– Так в чем же дело, – Мусик встает и устремляется в соседнюю комнату, откуда приносит серый чемоданчик...

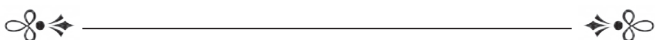
– Итак отправляемся в Чудоюдию, – щелкает Мусик замками чемоданчика, – отправляем Чудо-Юдо-Рыбу-Кита к остальным Чудам-Юдам... только вот вопрос – как его без воды переправить... хотя...

Но на то и существует страна Чудоюдия, чтобы, раздувая ноздри и разметав золотую гриву, Чудо-Юдо-Конек-Горбунок галопом примчался на выручку... Чтобы летела над ним Чудо-Юдо-Жар-Птица и покрикивала на крутых поворотах:

– Не нарушайте правил чудоюдского движения... не выбрасывайте пассажиров на виражах...

Но напрасно Жар-Птица беспокоилась, Рыба-Кит благополучно была доставлена быстроногим Коньком-Горбунком в Чудо-Юдо-Африку, где Чудо-Юдо-Доктор Айболит сделал прибывшему пациенту укольчик от страданий...

Как известно, нет ничего печальнее, чем ждать и догонять. Но чудоюдная Рыба-Кит дождалась Ма из командировки, и финал путешествия на Звездопла-

ве оказался счастливым. И теперь, когда Звездоплав прилетает в Чудоюдию, все ее обитатели приветствуют гостей дружным:

– Пиг-Пиг-Ару!

Слова-перевертыши в этой стране используются только для торжеств...

Однако совсем другая жизнь не в Чудоюдской, а в той Африке, которую показывают по телевизору. Там случается, что змеи пожирают несчастных кроликов, а зубастые крокодилы охотятся на людей. Маня, оторвавшись от телевизора, оглядывается и тревожно спрашивает:

– А где Ма?

– Крокодил украл Ма, – в тему увиденному шутит Мусик.

– Да, вот тот самый африканский и украл, – подтверждает Детка.

Однако у Мани все схвачено:

– Ну и что... я в Африке была, всех крокодилов знаю.

– Да? – удивляется Мусик, – а ты из Африки можешь бананы привезти?

– Нет, там надо денежки платить, – Маня не знает, какую цену назначить, но, наконец, придумывает – пятьдесят копеек.

– Хорошо, я тебе дам денежку, – ловит ее на слове Мусик.

Такой оборот озадачивает, и Маня делает плату непомерной:

– Нет, нужно миллион копеек...

Миллион для нее максимальная цифра, уж миллиона-то у Мусика не найдется.

– Хорошо, я дам тебе миллион, – принимается и эта цена.

Манюня не знает, как действовать дальше: если Мусик-миллионерша, какую недоступную цифру называть. Тут приходит на помощь Детка, подсказывает:

– А в Африке бананы только для обезьянок выращивают, – объясняет непонятливой Мусе.

И Манюня подхватывает:

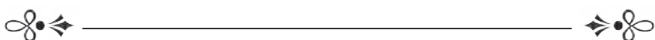
– Да-да, бананы только для обезьянок, – в ее голосе сожаление о невыполнимости желания Мусика, но, опережая ее дальнейшие просьбы, Манюня добавляет:

– В Африке на все только смотреть можно.

Но тут с жалобным «Ох!» в комнату с экрана телевизора сваливается та самая, глотающая кроликов, Змея.

– Ты принесла бананы, маленькая? – радуется Маня, – ну, заползай в гости.

– Ох, не до бананов твоих, – шипит Змея и начинает изгибаться волнами, выплевывая что-то мокрое и взъерошен-

ное. Оно брезгливо отряхивается, становясь все знакомее.

– Ой, это ты что-ли, Зайчик? – Маня в ужасе.

Но тот бормочет, передергиваясь всем телом:

– Где это я был... в чем-то противном... мокро и темно...

Он отплевывается и протирает лапками глаза.

Змея облегченно вздыхает, пытается что-то сказать, но только хрипло дышит.

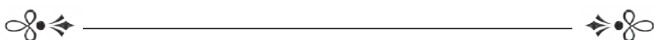
– Ой, а я думаю, куда ты пропал, Зайчик... не звонишь и не звонишь, – Маня растеряна.

– Ну и гадость со мной случилась, – начинает тот, покашливая, – был у нас африканский цирк, ничего себе цирчик, все путем... Жирафик-гимнаст, Бегемот с гирыми, пара Гиббонов на канатах и звезда шоу – иллюзионистка Змея ...ох, и мастерица на фокусы, прямо супер... я засмотрелся опля: сажу в какой-то гадости...

Зайчик опять начинает вылизывать себя.

– Я знаю, как и куда ты попал, – Маня укоризненно смотрит на растянувшуюся в блаженстве Змею. Та отводит взгляд и говорит смущенно:

– У этого длинноухого совсем не кроличий запах... ужасно противный...

И вдруг просит смущенно:

– Манька, а как в доме с молочком?..

С молочком в доме порядок...

Непонятно, отчего из памяти с трудом вытаскиваются подробности важных событий, и ты, напрягаясь, выволакиваешь тени-воспоминания, чтобы на свету разглядеть их. А они сопротивляются, пытаешься вернуться в беспмятный сумрак. Но как легко выскакивают из этого сумрака незначительные вещи!..

Вроде этого молока, с которым в доме нет проблем. За которым Ма и Маня уже с утра сходили в магазин.

Тогда, проходя мимо дворовой лавочки, они и были окликнуты Композитором, соседом по подъезду, играющим летними вечерами на пианино, за что и возведен пианист в этот элитарный музыкальный ранг.

– Ты куда направляешься, Маня? – окликнает он глубоким басом.

– В магазин, – мимоходом отвечает Манюня.

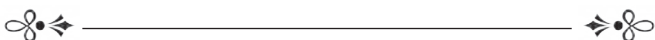
Неожиданность оклика ее смущает.

– А позволь узнать, за чем?

Маня оглядывается на Ма.

– За молоком, – проясняет картину Ма.

– Маня, купи и мне молочка, – просит Композитор, облизываясь, как кот.

– У меня нет денег, – отвечает скороговоркой Манечка, а, отойдя подальше, возмущается:

– Кто у нас денежки зарабатывает – Ма и Мусик... почему мы должны ему молоко покупать... мы не магазин...

– Да он шутит, – смеется Ма, – проверяет тебя на подельчивость... вот Детка на уроке музыки изорвала на листы свою нотную тетрадь и раздала ребятам... «Но меня же просили, – объясняет, – как я могла не дать?..» Такая она подельчивая...

Вернувшись домой, Маня первым делом бежит к Детке.

– Дета, возьми играть мою Пупсу, – вертит в руках пластмассового голыша, – бери, бери, – улыбается всей своей кукольной мордашкой с сияющими кристаллами серых глаз, – играй сколько влезет, – добавляет от широты души.

Детка берет Пупсу, начинает натягивать штанишки, распашонку, командуя:

– Так... что это Маня тебя без штанов водит... как не стыдно... вот тебе распашонка...

Манюня смотрит на ее игру, и когда голышок нарядно одет, просит:

– Дета, дай поиграть.

Но у Детки другие планы, она уже застилает кроватку, чтобы уложить спать одетого голышка, и возмущается:

– Вот еще... ты же отдала ее... она уже у меня Эльвира.

– Нет, она Пупса... Пупса...

У Манюни влажнеют глаза.

– У тебя Пупса, а у меня Эльвира, – непреклонна Детка, – она уже в моей игре.

– Дета, какая ты *прикарманишная*, – еще сдерживается Маня, но слезы уже на подходе.

– Я не прикарманила Пупсу, ты сама отдала ее, – защищается Детка.

Вид наливающихся влагой Маниных глаз и мгновенно краснеющего ее носа так жалок, что Детка отдает игрушку.

– Ну, и возьми назад свою Пупсу.

Слезы у Манюни тут же высыхают. Она прячет вернувшегося пупсика в свой тайник под столешницей раскладного стола. Там все ее драгоценности, вплоть до найденного во дворе сухого жука-рогача, которым она особенно дорожит.

Жук неохотно подвигается, уступая место.

– Жадина-говядина, – бормочет он, – зачем тебе эта Пупса... поделилась бы с сестрой... надо быть подельчивой...

Маня надувает губы.

– Да-да, – говорит обиженно, – я что должна всем все свое отдавать... и молочно должна покупать всем что ли?

Жук выслушивает ее, почесывает лапкой усы и в ответ поет скрипуче:

*Жадина-говядина,
соленый огурец,
на полу валяется,
никто ее не ест.*

Маня опять готовится заплакать.

– Стоп, – говорит Мусик, заглянув под стол, к Маниному тайнику, – ты Жучок, радуйся, что Маня тобой не поделилась с подругой... а та ведь так клянчила тебя...

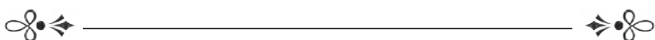
Жук тут же притворяется засушенным, закрывает глаза от страха.

– Нет, я тебя не отдам, не бойся, – ласково говорит ему Манюня, – самое дорогое нельзя отдавать никому-никому...

И Жук может быть спокоен – под столешницей полная Манина власть, никто не разорит ее тайничок. Но этим тайничком и ограничивается власть Мани над жизненными потерями...

И когда на прогулке навстречу попадает незнакомый малыш с отцом, и отец, наклонившись, что-то говорит ребенку, улыбаясь, то Манюня, на полуслове оборвав веселую болтовню, замедляет шаг и прилипают взглядом к счастливой паре.

Отец с мальчиком проходят, а Маня, уныло глядя под ноги, плетется еле-еле.

– Что загрустила, Манюня? – спрашивает Муся.

– Потому что папа умер, – бормочет та еле слышно и, глядя в глаза Мусе испытующе, спрашивает, – а ты могла бы жить в детстве без папы?

– Трудно, конечно, – Муся растерянно отводит взгляд...

Уйти от прошлых потерь не так-то просто...

Можно затвориться в доме, отгородиться от прошлого самыми крепкими дверьми, но однажды на прогулке встретишь счастливого мальчика, идущего за руку со счастливым отцом...

И чтобы компенсировать Манину печаль положительными эмоциями, Муся устраивает велопрогулку в загородную лесопосадку. С Маней, сидящей на багажнике, чтобы не скучала, ведет диалог Ветерок, говорящий голосом Мусика:

– Ты уже не грустишь, Манюня?

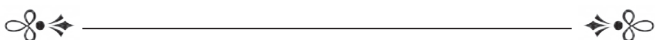
– Нет... только жестко сидеть...

– Это ерунда... главное, ты не одна, вы вдвоем... а я вот один...

Ветерок, видимо, сегодня грустит...

– А ты нарожай себе детей, – находит выход Маня.

– Тогда я не смогу летать, надо будет их воспитывать, – обозначает проблему Ветерок.

– Ну, ничего... и одному бывает хорошо, – утешает Манюня, пытаюсь привести мир в гармонию.

Но, видимо, словами сделать это не удастся, и Маня затихает, обдумывая слова Ветерка.

А вернувшись с прогулки, находит повод поссориться с Деткой. И работающая в комнате Муся слышит доносящееся из прихожей:

– Ну и катись скатертью-колбаской... ты меня не любишь... когда мне нужна была битка, ты ее какой-то девчонке отдала, – вспоминает Маня прошлые предательства Детки, – вот я назло тебе зареву сейчас, и тебя накажут.

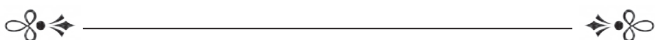
Мусик выходит в прихожую и пытается восстановить мир между девочками:

– Ну почему вы не можете договориться? Вы же сестры... Что у вас за психология такая...

Маня смотрит на Детку, слово ей непонятно.

– Извини, но психа у нас нет... у нас Детка хочет Каткины кукольные штанишки надеть Рыжику... видишь, уже взяла ножницы разрезать дырочку для хвоста... а как потом Кате их надевать... у нее хвоста нет...

– Детка, не издевайся над котом, – Мусик удручена видом взъерошенного

Рыжика, – отпусти его, а то будешь наказана.

– Если меня будут наказывать за Маньку, – обещает Детка, – я ей буду передавать это наказание... ей же хуже...

Рыжик, наконец, вырывается и брезгливо сбрасывает надетые на задние лапы кукольные штанишки:

– Фу! Это никакая не психология, а насилие над кошачьей личностью, – говорит он, топчась по штанишкам. И подняв растопыренный от возмущения хвост, с достоинством удаляется от греха подальше.

Детка, видимо, чувствует растущее сопротивление Мани, и ее комплекс старшей сестры прогрессирует... На пике этого процесса и появился тот дипломатический документ: вырванный из тетради обыкновенный листочек в клеточку, закрепляя обязательства бо-
рющихся сторон, гласил:

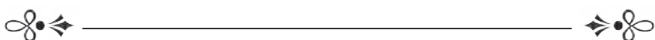
«Маня обязуется:

слушаться беспрекословно Детку,
не кричать, призывая Ма или Мусю».

Деткино обязательство заключается в единственном пункте:

«в случае неповиновения и невыполнения Маней обязательств в отказе считать ее сестрой».

И, как в серьезном документе, внизу – подписи договаривающихся сторон:

Деткин размашистый росчерк и Манина закорючка.

Нет мира под оливами, что поделать... Сестры растут, пробуют силу характеров...

Так и должно быть...

Но Муся вспоминает тот день, когда они с Деткой пришли забрать Маню у временно приютивших ее родственников. Тогда, удивительным образом предчувствуя появление Детки, Маня, едва они вышли из лифта, уже кричала из-за двери:

– Дета пришла... моя Деточка пришла...

Такая магия существовала между сестрами в начале... И такое продолжение сейчас...

Что-то не хэппиэндское было в этом, и Мусик напоминает Мане тогдашнюю ее телепатию.

Но Маня, еще не отойдя от ссоры, бормочет:

– Дура была.

– А сейчас что, так бы не кричала?

– Нет.

– А как бы кричала?

Говорит спокойно:

– Дета пришла.

И ссора угасает...

Но в эту ночь Детка долго не засыпает и вдруг ни с того, ни с сего начинает плакать, причитая:

– Манька меня уже не любит...

Полночи уходит на уговоры...

Но Детка одинока и несчастна, и, когда, наконец, унимает слезы, допытывается у Муси:

– А ты меня любишь?

Будто ей нужно словесное уверение, а без него она сомневается, что ее любят.

– Конечно, очень люблю, – отвечает Муся, – ну кого еще любить, как не тебя... мне некого больше любить...

И время-ямщик перестает гнать своих лошадей, замедляет ход, чтобы дольше пребывала милосердная любовь в притихшем сонном доме... И, довольная ответом, Вселенная отлипает от окна и разносит слова Муси по городам и весям, по хижинам и дворцам, чтоб никому не обидно:

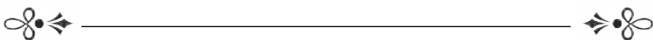
– ...Я тебя очень люблю... кого еще любить, как не тебя...

И Детка успокоено прощается на ночь:

– Я тебя люблю... спокойной ноченьки... пусть приснятся тебе хорошие сны.

«Очевидно, – думает Мусик, – она предполагает и у других нехватку любви».

Но скоро мысли отступают, и хорошие сны разноцветными стрекозами влетают и под Мусины веки...

Аво сне, как известно, время останавливается, и человек не стареет.

Однако можно помолодеть и другим способом: идти-идти и найти перо Чудо-Юдо-Жар-Птицы...

Об этом знают все, кому дано это знать. В частности, это известно Мане, и всякий раз она радуется, найдя цветное птичье перышко.

– Это Жар-Птицыно перо? – спрашивает восхищенно.

– Наверяд ли, – сомневается Муся, – скорее, это лесная птичка потеряла.

– Жаль, – огорчается Маня, – перо Жар-Птицы умолаживает... Ба помолодела бы...

И тут же спрашивает:

– А когда я вырасту, Ба станет, как ты, молодая?

– Возможно... все в этой жизни возможно, – Мусе не хочется говорить о грустном.

И Маня убегает повеселевшая, подняв над головой найденное перышко...

Но вдруг перо выскальзывает у нее из рук, взлетает вверх и начинает сверкать, переливаться... И уже не перо какой-то неизвестной птички, а сама сияющая Жар-Птица летит, раскинув крылья во все небо...

– Смотри, Жар-Птица, – кричит Манюня, – настоящая...

И она бежит к снижающейся Чудо-Юдо-Жар-Птице, но та взмывает вверх, исчезая в серебристом облаке...

Маня растерянно оглядывается, однако тут же успокаивает себя:

– Ничего... еще прилетит...

Конечно, прилетит, ведь на дворе осень, Жар-Птицын сезон. Листопадом раскрашен парк, и уже сгребают в кучу опавшие листья...

Маня любит, разогнавшись, приземлиться в самую ее середину.

– Маня, там грязно, – Мусик поднимает сопротивляющуюся Манюню, отряхивает прилипшие листочки...

Маня насупливается:

– Ах, вот ты какая... мешаешь играть... я с тобой не буду больше гулять... а когда вырасту, буду ломать твои игрушки...

– Ты забудешь к тому времени, – смеется Мусик.

– Не забуду.

– Хорошо, я сейчас проверю твою память... вот вчера мы с тобой были в кино, скажи, о чем был фильм?

Маня в недоумении:

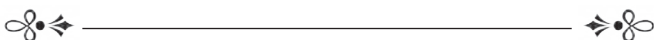
– В кино?..

– Да, в кино.

– Не были мы в кино.

– Как это не были, – напоминает Мусик, – да ты только вспомни... мы си-

дели в зале с бархатными креслами... в фойе ели мороженое...

Маня задумывается, морщит лоб... Напоминание о мороженом возвращает ей память:

– Да, помню... мороженое ели, – подтверждает радостно.

– Эх, дырявая у тебя память... стареешь, стареешь, Манечка...

Маня обескуражена своей подверженностью старению:

– Что ли я – старая?

Этот оборот – что ли – выдает крайнее волнение.

Муся подтверждает:

– Да, Маня, постарела ты... уже и про кино не помнишь...

И Манюня сокрушается:

– Только успела в детстве побывать и уже старею...

Но Вселенная не желает оставлять Маню сокрушенной и возвращает на небо сияющую Жар-Птицу... И фейерверк Жар-Птицыных перьев рассыпается над городом, и толпы народа выбегают на улицы, и люди молодеют на глазах, потому что всем-всем достается по волшебному молодильному перышку...

Я вызываю из памяти этот чудесный подарок, доставшийся Мане. И не только ей, но и мне: сейчас я пишу об этом

замечательном событии тем самым небесным Жар-Птицыным пером.

И поэтому мне ничего не стоит вернуться в Манино детство, в ее пластилиновое время, которое, если хочешь – сжимай, а хочешь – растягивай... Умняй его, формуй валики между ладонями, скручивай из них восьмерки, символы бесконечности жизни...

Но Манина жизнь пока еще только в начале. На двери, где отмечается рост Манюни, всего несколько отметок. Всякий раз, когда ей измеряют рост, Манюня вытягивается, чтобы быть выше и тревожно спрашивает:

– Я выросла?

– Умница, хорошо растешь, – говорит Ба, делая на двери очередную отметку.

Маня смотрит на сделанную карандашом черточку и вдруг с озабоченным лицом спрашивает:

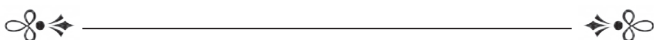
– А вдруг кости начнут быстрее расти... и вылезут ...

Она обхватывает себя руками и осторожно, как хрустальная, присаживается в кресло.

– Вот поэтому и надо зарядку делать, – назидает Ба.

– Каждый день? – ужасается Манюня.

– Да, каждый день... тогда вырастешь здоровенькой.

И уже вслед убегающей делать зарядку Мане спрашивает:

– А когда ты вырастешь, кем хочешь быть?

– Взрослой, – обернувшись, не раздумывая, отвечает Манюня.

Какой заманчивой в детстве представляется взрослая жизнь, но только та, неизвестная, далекая.

А наблюдаемая близко взрослая жизнь несовершенна, и по мере взросления детей становится все уязвимей для критики. Особенно в периоды недовольства всем и вся, которые зачастую случаются у Мани. И тогда на прогулке, уплетая мороженое, она вдруг интересуется:

– А почему ты нарушаешь то, что запрещено?

Мусику запрещено покупать девочкам мороженое, чтобы не простудились. Но Муся находит выход:

– А вы ешьте его, только когда растает... это не запрещено.

Расхождение слов с делом вызывает сегодня у Манюни спортивный интерес, и она ловит всякую ошибку Муси.

Они переходят неправильно улицу и Маня замечает:

– А могла же на нас выскочить машина... и бедного шофера из-за тебя арестовали бы.

Критиканство доходит до педагогики, и Маня со вздохом поучает:

– Извини, пожалуйста, но я скажу... ты не умеешь воспитывать... ведешь себя, как девочка.

– Почему, – удивлена Муся.

– Когда надо отшлепать, ты прогоняешь за дверь.

– А мне жалко шлепать.

Конечно, это не по правилам, и Манюня вздыхает:

– Вот, не умеешь воспитывать.

Когда они доходят до парка, Маня поднимает сухую ветку и начинает вскапывать ею упавшую листву, пылит и едва не попадает палкой в лицо Мусе. Та отбирает палку.

– Все, палка арестована, – говорит строго.

– Отдай, ну, отдай, – клянчит Манюня.

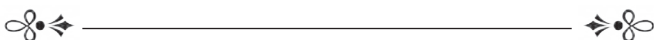
– Я тебя просила: отойди подальше и играй на здоровье, никому не мешая, – Мусик неумолима.

– Все равно я тебя *удобрю*, – уверяет Маня.

Она шепчется с куклой, голубоглазой блондиночкой Тусей, которую сегодня взяла на прогулку.

– А Туся тоже говорит, что надо отдать ветку, – переводит Манюня речь куклы.

Но Мусик не реагирует.

– А теперь Натуся говорит, что ты злая, – уже не советуясь с куклой, возмущается Маня, – зачем ты не даешь ветку и мешаешь играть.

Тут Туся вмешивается шепотом:

– Манька, ты что это распоясалась... смотри, влетит тебе по первое число.

– От Мусика навряд ли... она не умеет воспитывать.

И обиженная Маня уходит вперед, шепотом переговариваясь с куклой и оглядываясь на отставшую Мусю.

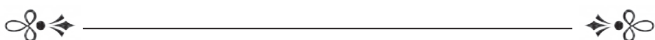
Критикует, видно...

Хотя сама Маня критику не любит, обижается...

Впрочем, кто, скажите, любит критику? Но в каждом доме должно быть это средство исправления характеров, и нечего на него обижаться, а надо принять его на вооружение. Свои же критикуют, не чужие...

Вот если бы спросить Маню или Детку, что бы они покритиковали в Мусе или в Ма? Точнее, что, по их мнению, нужно Мусе или Ма исправить в себе? Только честно. Конечно, можно спросить. Но и опасно – а вдруг вскроется нечто такое... Даже в доме восходящего счастья не стоит проводить такой эксперимент. Во избежание обид...

Я перебираю в памяти воспоминания с ярлычком «Обида», вытаскиваю наугад и материализую...

На этот раз выпала прогулка в пригородной роще. За полосой посадки открывается широчайший ромашковый луг, и Манюня, собирая букет, пучками рвет цветы, выбрасывая те, которые ей не нравятся. Мусик спрашивает:

– Маня, зачем уничтожать и без того страдающую от экологии флору... к чему такое варварство?

Но довод, видимо, слабоват, уничтожение флоры продолжается.

Тогда Мусик, когда очередной цветок сорван и выброшен, приговаривает:

«Жила-была ромашечка, красивая ромашечка, похожая на солнышко, веселую была.

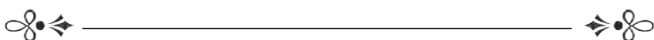
Но вот явилась Манечка, но вот прилезла Манечка, и бедную ромашечку взяла и сорвала».

Манюня сначала молчит, прислушивается, потом обижается до слез, выбрасывает весь букет и идет, нахохлившись, заложив руки за спину...

Но обида скоро проходит, ромашки такие красивые... Однако теперь, прежде чем сорвать цветок, Манюня просит Мусю:

– Только не говори: «но вот явилась Манечка, но вот прилезла Манечка», – копирует она интонации Мусика.

И страдающая от экологии флора спасена...

А как насчет фауны?

Домашняя игрушечная фауна регулярно подвергается хозяйками медицинскому осмотру, в их карточках записываются диагнозы. И прописываются процедуры, ведущие к здоровью. Благодарные пациенты расписываются, соглашаясь на лечение, подписи их корявы, поскольку карандаш держать лохматой лапкой котик у Кирюше, песику Проше и прочей фауне неудобно... Не говоря уже о попугайчике Петьке...

Так что у фауны с детьми обоюдные нежнейшие отношения, полная идиллия...

И когда на пути попадает такое идиллическое существо, Маня, как обычно, спрашивает:

– Как ее зовут?

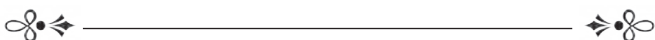
– Джимка, – называет хозяйка кличку медлительного, дружелюбно обнюхивающего Манюню щенка-спаниеля.

– А меня – Мария, – радостно сообщает Манюня свое полное имя.

Но спаниелька, обнюхав Манечку, уже вычитала всю нужную информацию и бежит дальше, переваливаясь на коротеньких ножках.

Девочка какое-то время следует за ней, пока та не исчезает в густом кустарнике.

– Хорошая Джимка, – говорит, возвратившись к Мусе.

– Хорошая, – соглашается Мусик, – только неразговорчивая... впрочем, как все англичанки... порода-то у нее английская.

Собачка на новом зигзаге беготни возвращается, и Манюня чинно спрашивает иностранку:

– Извини, но по-настоящему как тебя зовут?

Тут спаниелька звонко лает.

– Она по-английски сказала свое имя, – переводит Мусик.

– А как будет по-английски Мария, – интересуется Манюня шепотом, кося глазом на щенка.

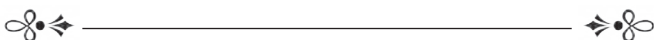
– Мэри, – переводит Мусик имя Манюни на иностранный.

– А я Мэри, – вторично представляется Манюня щеночку.

Но спаниелька уже бежит дальше, оставив незавершенным диалог с Маней, на бегу размышляя: «...смешная девочка... все ей надо знать... выучила бы собачий язык для начала... спросила бы: «...вот из ё нэйм», – и я бы ответила: «...май нэйм из Джэмма».

Попробуй, догадайся, почему имя животного так важно для Мани, что она всегда интересуется у хозяев встреченных кошек и собачек именами их питомцев.

А если хозяев нет под рукой? Если в лесу вдруг встречается беспризорная лошадка?

Ао этого леса Муся и Манюня ехали на электричке, сошли на незнакомой станции и сразу за чередой пристанционных домов обнаружился настоящий лес. А в нем – настоящая гуляющая лошадка!

– Она, наверное, беспризорная, – предположила Муся.

А Манюне и страшно, и странно видеть ничейным такое большое животное, но имя-то у нее должно быть. И она восхищенно просит Мусю:

– Узнай, как ее зовут.

Для гневной лошадки с белыми ножками подходит только одно имя:

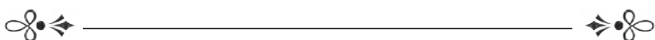
– Белоножка, – озвучивает Мусик ответ лошадки, – она говорит, что ее назвали так из-за белых ножек.

– Белоножка, – пробует имя на слух Манюня и тут же предлагает, – давай заберем ее домой... она же ничья.

– Ну ты и придумала... как она поместится в нашей квартире, – отговаривается Мусик, – тогда придется куда-то деть все игрушки.

Манюня задумывается и со вздохом предлагает:

– Тогда давай просто за ней ходить.

Лошадь мирно пощипывает травку, и Манюня медленно сокращает расстояние до нее, приговаривая:

– Ты, Белоножка, не злись, мы просто за тобой будем ходить... а ты кушай, кушай...

– У нас есть хлеб, – вспоминает Мусик, – лошадки любят хлеб... только ты пальцы распрями, чтобы хлеб лежал на ровной ладони и лошадка не куснула вместо хлеба тебя.

Осмелев, Манюня приближается к склоненной морде животного, на распрямленной ладошке протягивает ей хлеб.

И лошадка тычет свои бархатные губы в ладонь Мани, и та не пугается, не отдергивает руку...

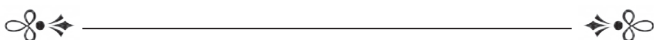
После хлеба идет в ход овсяная каша, не съеденная Манюней, но вполне одобренная лошастью.

– Ты умница, Белоножка, – наизидательно говорит Мусик, – ты кушаешь овсянку, а вот Манюня почему-то ее не любит.

И тут же переводит Манюне лошадкин ответ:

– Белоножка говорит, что ей не нравятся дети, которые не едят овсяную кашку.

– Я на тебя обиделась, Белоножка, – заявляет Манюня и, отвернувшись, уходит в сторону.

Конечно, Мусе ябедничать на Маню не стоило, тем более накануне разлуки с лошадкой, поскольку уже пора возвращаться в город.

– Не хочу домой... уже нельзя и с лошадкой походить... давай останемся, – противится возвращению Маня.

Мусик привлекает в переговоришки лошадку:

– Белоножка, ты простишь нас, если мы сейчас уйдем, – говорит лошадке, возвратившейся к поеданию подножного корма, – нам уже пора домой...

Тут же переводится ответ лошадки: та не обижается и будет ждать свою новую подружку Маню в гости.

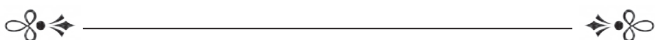
– Мы еще придем сюда? – спрашивает расстроенная Манюня.

– Конечно, – обещает Мусик.

И Манюня согласна идти домой, но по пути еще долго оборачивается и прощально машет рукой остающейся в лесу подружке Белоножке...

Однако когда на сосне замелькал нарядный барабанщик-дятел, его веселое «тук-тук» отвлекает Манюню от прощальных переживаний и возникает новая идея – подружиться с дятлом и забрать его домой.

– Он же маленький... у нас и клетка есть... назовем его Туктукой, – умильно уговаривает она Мусю.

– Еще чего... еще чего, – выстукивает дятел, слыша опасный разговор.

И еще выше взбирается на сосну, выстукивая:

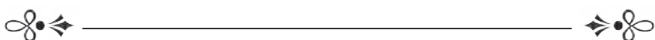
– У меня здесь дел невпроворот, а девчонка в клетку зовет... кто за меня будет лес чистить... кто, скажи-ка, девочка... подумай своим умом...

Так что с фауной не все так просто, хотя дети по простоте душевной и ближе к зверюшкам... К тем же трем поросятам...

– **П**оиграем в трех поросят, – предлагает Маня и тут же с хрюканьем бежит звать Детку. Мусик становится третьим поросенком, и взявшись за руки компания водит хоровод, распевая придуманную песенку:

*Мы три веселых поросенка
Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф,
мы любим петь и хрюкать звонко,
и в луже отдохнуть.*

Самое веселье в том, чтобы бухнуться на пол, повалиться в воображаемой луже. Тут надо успеть занять удобное место между шкафом с одной стороны, тахтой – с другой и столом – с третьей. Тяжелее всего Мусику, ее ноги с трудом помещаются в тесном пространстве лужи...

И действие движется дальше к строительству индивидуальных поросячьих домиков. Тут можно говорить все, что приходит в голову, восхваляя возводимое жилье, и вообще действовать по настроению. Даже роли менять разрешается. Вот Манюня сначала играет умного поросенка и вдруг передумывает, просит роль глупыша.

– Мне его жалко, – объясняет, – и вообще пусть наш Волк будет добрым.

– Как же так, тогда сказки не будет... что это за сказка: жили-были три поросенка, к ним пришел добрый волк... и что дальше?

– А пусть у волка будут болеть зубы, и поросята будут его лечить.

– Чтобы потом он их съел здоровыми зубами, – острит Мусик.

– Да как ты не понимаешь, он им за лечение скажет «спасибо», а кому говорят «спасибо», того не едят.

– А я съем, и с большим удовольствием съем, – выползая из-под кровати, щелкает зубами Волк-Волчище, – вот переболит зуб, так и съем всех вас, жирненькие вы мои.

Его глаза краснеют от жадности, он протягивает когтистую лапу к Манюне.

– А тебя схрумкаю первой, ты самая сладенькая... прямо слюнки текут, – шепчет ласково Волк.

Всклокоченная его шерсть и красные глазищи страшны, он облизывается длинным красным языком, на который Маня смотрит, не отрываясь, открыв рот. Это почему-то не нравится Волку.

– Закрой рот, – говорит он раздраженно, хватаясь за опухшую от флюса щеку, – а то ворона влетит.

Маня закрывает рот, оглядываясь, но вороны нигде нет, а есть облизывающийся Волк. И она предлагает ему:

– Не ешь меня, Волк... вот тебе Олененок, его охотники убили.

Мусик прерывает ее:

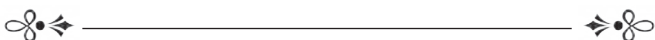
– А тебе Олененка не жалко, – спрашивает, – посмотри, какой он хорошенький.

– Но его уже злые охотники убили, – отвечает твердо Маня, а это, уж извини меня, не исправить.

Тут в дверь, не постучавшись, вваливается компания охотников.

– Да, мы убили этого глупого Олененка, – говорит передний охотник в красной охотничьей шапочке с пером, – а спроси его, зачем он бежит там, где нельзя...ведь слышал охотничий рог, а почему-то не спрятался... герой... вот и влетел под выстрел... сам виноват...

– Нет, я не виноват, – открывает глаза убитый Олененок, – я всегда здесь бежал... это моя поляна... вы зачем на мою поляну пришли без спроса...

– Спокойно, – успокаивает всех Му-
сик, – веселенькая собралась компания,
– говорит строго, – только не к месту вы
здесь, в нашем доме... к вашему сведе-
нию, это дом, где все истории с хэппи-
энддовским финалом... так что, злые и
агрессивные, все на выход: ать-два, пра-
вое плечо вперед, шагом марш, – коман-
дует она, – и улику преступления, Оле-
ненка, забирайте...

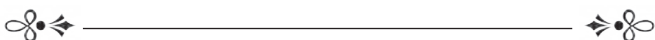
– Меня не надо с ними, – приподнима-
ет голову Олененок, – они злые... я хочу
в ваш *хэпидовский* дом...

– Ты имеешь в виду хэппи-энддовский
дом, – поправляет Детка.

– Да-да, – совершенно верно, – вска-
кивает Олененок, – давайте познако-
мимся: меня зовут Бэмби...

И, к Маниной радости, игра заканчи-
вается счастливо. Так появляется в доме
и олененок Бэмби со своей непростой
судьбой...

Как говорится, на ловца и зверь бе-
жит. К дому, где сами обитатели
с непростыми судьбами, прибываются
и животные со своими сложными исто-
риями. Вроде истории с полуотравлен-
ной Крысой, которую пришлось забрать
с улицы и лечить, пока она не стала
грызть птичью клетку, куда помести-
ли пациентку, спасая от курсирующих

вокруг Рыжика, Маркиза и Димку. Но когда Крыска сама стала нарываться на неприятности, ее вернули туда, где нашли. И она, даже не поблагодарив Детку и Маню, сердобольных Айболиток, тут же нырнула в подвал недостроенного дома...

Но вот Пантера – совсем другое дело...

Когда Мусик мрачна и молчалива, то сваливает все на жестокого зверя...

– Это Пантера во мне проснулась, – говорит.

– Давай я тебя *удобрю*, прогоню ее, – предлагает Манюня.

– Я и сама ухажу, – Пантера отделяется от Муси, потягиваясь.

Не обращая внимания на мгновенно юркнувших за дверь котов, она вспрыгивает на диван, где ей мягко, хорошо и где она сразу засыпает, громко похрапывая.

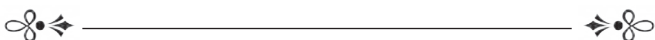
– Пойдем от нее подальше, – шепчет Маня, за руку тянет Мусю в другую комнату и плотно прикрывает дверь.

Это комната для работы, и на столе разбросаны бумаги – работа Мусика.

– Мне надо еще поработать, – говорит Муся, – а ты пойдди поиграй пока с Деткой.

Манюня послушно уходит, и Муся садится за стол работать.

Но тут в комнату врывается возмущенная Маня и жалуется:

– Не хочу с Детой играть, она дразнится: Манька-встанька.

– Что ж, пойдем разбираться, – грустно говорит Муся, вставая.

– Не надо, я ее уже простила, – Маня для убедительности даже прижимает руки к груди.

Тут в комнату вбегают радостная Детка:

– Вот мы и проверили, – объявляет Мусику, – это у нас игра: вселение в тебя Пантеры. Теперь понятно: это из-за нее ты злишься и к тебе не подойти...

Тут Пантера, открыв лапой дверь, возвращается из соседней комнаты.

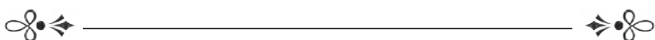
– И за это ты, Дета, не любишь Мусика? – басит, блестя любопытными глазами.

Ей нравится, когда кто-то кого-то не любит. Тогда легко вовлечь его в злую интригу. А Пантера – суцая интриганка, такие бури в стакане воды умеет поднимать.

– Так ответь, за это ты не любишь Мусика? – повторяет вопрос.

– Ты ничего не поняла, – с досадой объясняет Детка, – и у меня есть недостатки, но Мусик ведь любит меня.

И вновь возникает это гадание на ромашке: «любит-не-любит». Куда от него

денешься? Как проверить, любят ли тебя, а если любят, то как сильно?

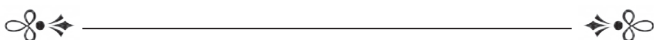
Природа позаботилась, чтобы хорошенькие детские мордашки с невинными глазками внушали любовь повсеместно и независимо от родства, сделали детей племенем драгоценным, неприкосновенным, объектом забот и тревог взрослого племени.

Но детям требуются доказательства не общего, а лично к ним направленного любовного чувства. Проверить наличие его можно тестированием, что и делают эти маленькие исследователи, произнося: «...если бы ты любил (любила) меня, то...» И следует условие теста... И горчайшая обида при невыполнении этого условия...

Вот и такую игру, как попадание мячом внутрь обруча, заменяющего баскетбольную корзину, можно сделать тестом на любовь...

– Нет, не отдам... сейчас моя очередь, – сопротивляется Детка, незаконно захватившая у Мусика мяч, когда та хочет восстановить справедливость. Детка чуть не плачет, бормочет что-то злое, но в конце концов возвращает злополучный мяч...

И тут неожиданно на выручку расстроенной сестре бросается Манюня и в

пылу отнимания мяча применяет недо-
зволенный прием – кусает Мусю.

Отобранный мячик Маня возвращает
сестре со щенячьим восторгом.

Ах, этот неправильный восторг! Этот
заговор против Муси, пытающейся быть
на равных с девочками и сейчас болез-
ненно ощутившей, что в их компании
она все равно чужая – они обе против
нее.

Надо сдаваться, если страсти так нака-
лились, и Мусик прекращает игру, уходит,
сказавшись усталой. Это удобный способ
отступления – ссылка на усталость.

Первой приходит выяснить отноше-
ния Манюня – обидев, она страдает вку-
пе с обиженным.

– Давай помиримся, – предлагает, за-
искивая.

– А мы и не ссорились... это же игра, –
лукавит Мусик, чтобы не акцентировать
момент своего поражения. Значит, что-
то в таком панибратстве с детьми непра-
вильно, если она укушена. Но надо стро-
ить хорошую мину при плохой игре, что
и делает педагог в Мусике.

– Но я же тебя укусила, – обескура-
жена откровенным ее лукавством Ма-
нюня.

– Ну и что, – Мусик спокойна, – чего в
игре не бывает.

Однако Манюня не верит, захватывает мизинцем палец Муси и бормочет рифмованную абракадабру:

*Миришь, миришь, миришь
и больше не дерись,
а если будешь драться,
я буду кусаться.*

Следующей является Детка, она уже успокоилась и покаянно приносит мяч раздора.

– Это был твой черед, возьми, – говорит, обиженно пряча глаза, – но если бы ты меня любила, то уступила бы.

– Интересненький у тебя тест, – возмущается Мусик, – ты попросишь меня прыгнуть с девятого этажа и я должна это сделать, чтобы доказать свою любовь?

– Да, – Детка раздражена и готова говорить всякую ерунду.

Но Маня ужасается:

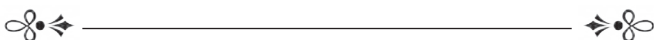
– Не слушай ее, Мусик, не прыгай с этажа... ты же не умеешь летать.

– Кто сказал, что не умею? – удивляется Мусик.

Детка насмешничает:

– Ну тогда покажи... взлети...

Мусик неторопливо достает серый чемоданчик.

– Ты что на Работку пойдешь? – Маня в недоумении: этот чемоданчик Мусик обычно берет на Работку.

– Нет, сейчас на работу я не пойду, – загадочно отвечает Муся.

Мяч уже забыт, и заинтригованные девочки во все глаза следят за Мусей.

– Идите за мной, – говорит та.

Они выходят во двор и переходят улицу, направляясь на пустырь перед строящимся домом.

– Ну, – торопит события Детка, – покажи, как ты летаешь.

– Отвернитесь и закройте глаза, – напряженность в голосе Мусика заставляет слушаться беспрекословно, и девочки отворачиваются.

– Когда услышите шум, поворачивайтесь, – командует Мусик.

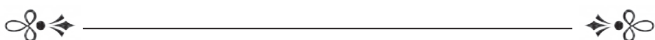
Наступает тишина, сквозь которую чуть слышно, а потом все громче прорезается какой-то гуд...

И девочки оборачиваются... То, что они видят, так ужасно, что Маня кричит в ужасе:

– Мусик, спускайся... сейчас же спускайся...

А Мусик летит... Она поднимается все выше, уже почти достигая верхушек тополей...

И Маня с ужасом в голосе направляет ее:

– Цепляйся за дерево и спускайся по нему, – кричит, подпрыгивая от возбуждения.

А Мусик, почему-то в незнакомом серебристом комбинезоне, только смеется.

– Она летит, Детка... она по-правдашнему летает, – Маня вопит, все так же подпрыгивая, – а это все ты... все ты... покажи да покажи, как летаешь...

– Детка, так что: мне прыгнуть? – спрашивает летящая Муся.

– Не прыгай, не надо... я верю... ты умеешь летать, – Детка сдерживает волнение, – только не надо прыгать...

И все же бормочет:

– Это фокус... я догадалась... это фокус серого чемоданчика...

– Мусик, вернись, – вопит Маня, – вернись, мы больше не будем...

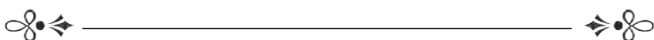
– Что не будете? – голос Мусика близкий и веселый, она подходит откуда-то сбоку, уже в своем обычном платье.

Маня тут же бросается к ней:

– Мы не будем не верить, – говорит, – только не летай... пойдем скорее домой...

– Все дело в чемоданчике, – бормочет Детка, – я поняла... да... это все чемоданчик...

Она то ли спрашивает, то ли утверждает, глядя на чемоданчик в руках Мусика...

Каким способом, это неважно, но тест «любит-не-любит» пройден – Муся готова была прыгнуть с девятого этажа.

Тест, конечно, экстремальный...

Но есть ежедневный Манин тест, применяемый ею, едва Ма после работы переступает порог.

– А что мне Зайчик передал сегодня?
– спрашивает Манюня.

Если подарочек для Мани не куплен, Ма отвечает:

– Ты знаешь, я его сегодня не встретила.

– А что ты купила? – спрашивает Маня с надеждой.

Ведь Ма могла бы и сама побеспокоиться о подарке.

Если той нечем ответить, если Ма ссылается на отсутствие денег, на близкую зарплату, то Манюня настаивает:

– Тогда подари мне хоть что-нибудь.

И кукла Катя, сидящая на руках Манюни, аж всплескивает кругленькими ручками:

– Ну, как же так... если Ма любит Маню, должна всегда иметь подарок для любимого ребенка.

И хлопает длинными ресницами, блестя голубыми глазками...

Ма возмущена:

– Еще ты будешь мне указывать, – шепчет кукле...

– Что-что? – Маня не расслышала прошептанное.

– Это я нашептываю подарок, – говорит Ма, роясь в сумочке, – вот и он.

И в руках ее...

Впрочем, что бы ни было в ее руках – это подарок для любимого ребенка... Если он есть, то тест на любовь Ма прошла успешно...

А какими тестами взрослые могут проверить любовь детей? Послушанием и еще раз послушанием! Этот визуальный признак детской любви так дорог воспитателям, в этом они видят главное достижение своей педагогики...

И такая радость, когда, наконец-то, образец послушания, Детка, сочиняет распорядок дня:

7.00 – встать, привести все в порядок,

7.30 – пойти в кухню, подогреть кашу,

8.05 – покусать,

8.30 – пойти в магазин,

9.00 – сесть за уроки,

11.00 – подогреть еду,

11.15 – накормить Маню,

11.30 – пойти гулять,

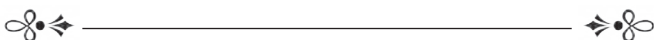
12.30 – выпить молоко (поесть),

13.00 – проверить портфель,

13.30 – идти в школу.

И так далее... Этот документ из рода благих намерений, на которые так щедро

широкая натура быстро вспыхивающей энтузиастки Детки...

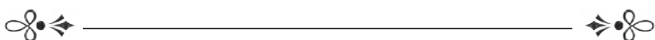
Но, кажется, ты что-то не договариваешь, голубушка-память... Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, исключительное, чтобы Детка написала этот ограничитель домашней вольности. Я листаю воспоминания, пытаюсь обнаружить причину, следствием которой стал этот распорядок дня...

Ускользящее воспоминание, наконец, материализуется, и я вижу Детку, осторожно вошедшую в комнату. Оглянувшись на спящую Ба, она вешает на дверь листочек с подчеркнутым заголовком «Распорядок дня». Только что уехала «Скорая помощь», и Ба, наконец, уснула... Но когда проснется, то увидит на двери листочек... И, конечно, обрадуется...

С болезнью Ба в доме будто потускнел даже воздух... В наплыве такого потускнения жизни Детка и написала этот распорядок дня... Помощница, правая рука Ба, она хотела устроить ей праздник послушания... Такое настроение случилось...

А как быть с детскими настроениями?

Многообразие их поразительно и зачастую не поддается никакой логике.

Что за чувства дергают ребенка, как марионетку, и на пустом месте возникает стена непонимания, разделяющая отцов и детей. Отцам только и остается, что убежать подальше от этой стены, чтобы не биться о нее головой, бормоча: «У кого завелись тараканы в голове, у меня что ли...».

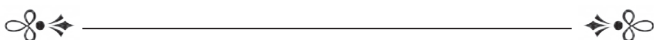
Но взрослость не позволяет биться головой о стену, на что зачастую провоцирует детская непредсказуемость вроде Деткиных внезапных слез посреди шахматной партии, когда Ма берет ее ладью. И так горько рыдает проигрывающая шахматистка, что испуганная Ма предлагает аннулировать ход. Но эта уступка гордо отвергнута Деткой.

– Ну, чего ты ревешь... у тебя ведь остались еще офицер и конь.

– А мне ладья нравилась, – страдает Детка.

И непостижима сила этого страдания. Как непостижима и непредсказуемость ее утренних приступов хандры, недовольства всем и вся...

И столько чувств намешано в этом недовольстве, что страшно лезть в душу ребенка, выясняя. Ведь этой душе еще столько предстоит, и, возможно, в эту утреннюю хандру пробилось какое-то предчувствие ...Тот затаенный страх будущего, который взрослые научились

подавлять узаконенной житейской суетой. Вроде субботних уборок в доме... Которые Муся предваряет традиционным вопросом:

– Детка, почему не застелила постель, я же просила... ты дожدهшься, что станешь в угол, как маленькая.

Молчание.

– Ну, скажи, почему ты не слушаешься?

– Мне наказание не позволяет, – выдавливает та из себя.

Этот ответ похож на ребус, и пока Муся пытается разгадать его, Детка продолжает с тяжким вздохом:

– Надо скорее расти.

– Чтобы не наказывали? – Муся догадлива.

– Да, – Детка откровенна, она надеется на понимание, но Муся настроена педагогично и продолжает дознание:

– Но все же ответь, почему ты не застелила постель?

То же молчание, плюс быстрый испытующий взгляд, оценивающий степень дурного настроения Мусика. И Муся усложняет задачу:

– И не забудь, пожалуйста, прибрать в комнате...

Детка понимает, что во избежание неприятностей лучше подчиниться, и исполняет приказ со слезами на глазах, при этом бормочет всякую белиберду.

До Муси долетает: «...вот вырасту и найму служанок... и постель застилать сама не буду...»

Убирая книги, она роняет одну, та раскрывается на рисунке растрепанной девочки, сидящей в оленьей упряжке. Услыхав Деткино бормотанье, девочка выскакивает из саней в комнату и, помахивая хлыстом, начинает ходить, разбрасывая по пути все, что попадетсЯ.

– Ты это что? – тут же прекращает бормотанье возмущенная Детка.

– А что, – девочка как раз сворачивает коробку с карандашами, и они разлетаются по всей комнате, – хочу и буду!.. тебе что, можно, а мне что, нельзя... я делаю все, что пожелаю, чтобы вырасти настоящей разбойницей, как мама...

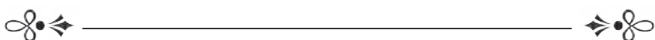
– Слушай, извини, но ты не по адресу явилась... и злоупотребляешь гостеприимством...

– Чем-чем, – настораживается девчонка.

– Тер-пе-ни-ем, – вразбивку бормочет Детка, начиная прибирать разбросанное, – мне как-то совсем не нравится убирать за тобой.

Девочка фыркает и ногой еще раз поддевает разбросанные игрушки.

Но Детка уже добралась до раскрытой книги и помахивает ею перед носом девчонки:

– Сейчас захлопну, и ты останешься здесь и будешь уборщицей у нас, – говорит злорадно.

Оглядевшись вокруг, разбойничья дочка быстренько ныряет в книгу и усаживается в собачью упряжку как раз тогда, когда входит Муся.

– Детка, ты почему не следишь за игрушками? – спрашивает та, натываясь на валяющиеся игрушки.

– Это я разбросала, – спешит Маня на выручку сестре, бросаясь убирать.

– Нет, это должна делать Детка, – настаивает Муся.

Однако Детка уже застроптивилась, приказной тон для нее, как красная тряпка для быка.

– Ну что же, тогда ты на прогулку не пойдешь, – наказание Муси следует незамедлительно.

– Ну и не надо, я и сама не хотела, – продолжает упрямитесь Детка.

– Ах, так ты не хотела... вот и сиди дома без свежего воздуха.

Тут Маня во спасение сестры лукавит:

– Это я не хотела идти гулять... там холодно, – находит первую попавшуюся причину. Но ее хитрость прозрачна и не принимается во внимание: Детку оставляют дома, а Манюня собирается на прогулку со слезами:

– Дету жалко... не хочу гулять...

И так по-взрослому сердится:

– К черту это гуляние.

И бегаёт по комнате, как загнанный зверек, в отчаянии, что ничем не может помочь сестре.

Ма не выдерживает, аннулирует наказание, и Детку берут на прогулку.

В тот день в обед, после прогулки, Детка вдруг вносит рацпредложение:

– А давай, Мусик, мы будем есть из двух тарелок... чтобы тебе меньше мыть посуды... сначала я – первое, а Маня – второе... потом обменяемся тарелками... мы всегда так едим, когда одни...

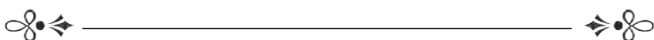
Мусик ехидно предлагает:

– А, может, отдадим тарелки Зюське, пусть вылизывает.

Вот и вынырнула из воспоминаний недавно приблудившаяся к дому дворняжка, черненький щеночек неопределенной породы. На его скулеж тогда и открыли двери.

– Ой, какая зюзюсенькая, – восхитилась миниатюрностью щеночка Детка. Этот экспромт и стал основой для имени принятой в компанию собачки – Зюська, или уменьшительно-ласкательно Зюзюська.

На предложение вылизывать тарелки для облегчения посудомоечной работы Зюзюська, виляя хвостом, соглашается:

– Конечно, я могу... и доедать могу... я уже пробовала Манину котлетку... вкуснятина...

– Это когда же ты доедала Манину котлету, – сердится Мусик

– Это...

Зюська понимает, что выдала секрет.

– Во сне, – находится она, – такой вкусняшный сон...

Она облизывается и виляет хвостом по-попрошайничьи...

– Ах, во сне? – Мусик пронзительно смотрит на Маню.

– А что, разве собакам не снятся сны, – говорит Манюня и, уткнувшись взглядом в тарелку, быстро ест. У нее прорезается зверский аппетит.

А Зюська, умильно глядя на нее, шепчет:

– Ну, Маня, попроси, чтобы я вылизывала тарелки... попроси...

Зюська не попрошайка, ей не с кем бороться за еду, коты ей отдают свое беспрекословно. Она не агрессивна, виляет веером хвоста при всяком знаке внимания... В общем, милое создание. Она уже обжилаась, но, видимо, детский стресс подкидыша сделал ее пугливой, и от страха на прогулках она бывает агрессивной, приходится держать ее на поводке.

Но на природе Зюська составляет хорошую компанию детям, когда из квар-

тирной замкнутости они вырываются на свободу. В перелеске за дачами, где стоит густой запах палой листвы, как оглушительно лает Зюська просто так, от радости вольного бытия...

А Детка и Манюня, как затомившиеся щенята, начинают бегать, собирать букеты из шелестящих листьев. К этому пикнику на обочине уже не доносится шум от шоссе... На замшелом поваленном дереве разостлана подстилка, на которой снесь... Зюська уже проголодалась и лежит поближе к еде...

Девочки собирают листовенные букеты, только и слышно:

– Смотри, какой листик...

– А мой красивее...

Потом голоса затихают...

Через какое-то время Манюня появляется в короне из листьев.

– Ой, кто это к нам приблудился, – удивляется Ма. И Зюська тоже начинает ворчать.

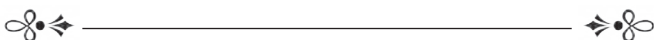
– Это я, Манюня, – с нежностью в голосе объясняет Маня.

– Нет, какая ты Манюня... ты на нее совсем не похожа... и Зюська на тебя ворчит, как на чужую...

Маня снимает корону и уже с тревогой заглядывает в глаза:

– Извини, ты что, не узнаешь... это же я, Манюня, – шепчет с легким испугом.

– Ой, и правда, ты – Маня, – успокаивает ее Ма, – а в короне и не узнать...

Мане жаль расставаться с роскошной короной, однако страшно опять не быть узнанной... И она снимает ее осторожно, бережно, чтобы не повредить...

Но тут из-за деревьев появляется красавица в золотом платье, в короне из желудей и сережках из рябиновых ягод.

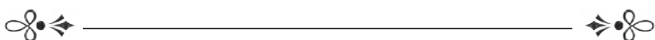
– Я Царица Осени... короную тебя в свои принцессы, – говорит она, возвращая корону на голову Манюни.

И, обернувшись к вбегающей на поляну Детке, продолжает:

– И тебя тоже делаю своей принцессой...

Она касается веером из кленовых листьев Деткиного венка, берет ее за руку и, незаметно перебирая ногами, плавно движется по ковру из желтых листьев. Коронованная Маня, замороженно глядя на великолепную Царицу, присоединяется к хороводу...

Это воспоминание назовем «Осеннее коронование». И коронованным Царицей Осени девочкам легче будет перейти к сезону дождей и замкнутости в четырех стенах, когда не тянет гулять под дождем по хмурым улицам и долгими вечерами из развлечений остается только телевизор – коллективный развлекатель, расширяющий

домашний мир до вневременного и вселенского без всякого перемещения в пространстве и времени. И даже без отрыва от побочных занятий, как делает Маня – параллельно с телепросмотром она рисует, смешно морщина лоб и оттопыривая губы.

А на экране телевизионная героиня родила ребенка, но неблагородный отец дитяти отказался от своего чада. Однако, когда нашелся благородный мужчина, готовый стать отцом новорожденного, гордая героиня отказывает ему. Такой вот простенький сюжетец.

Манюня только мельком бросает взгляды на экран, но когда обиженный благородный герой уходит, Маня комментирует поведение героини:

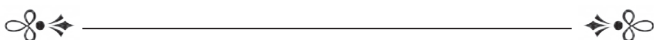
– Она теперь знает, как с мужчинами обращаться.

– Почему это? – спрашивает Ба.

– Ее же они обидели, – отвечает удивленная непонятливостью Маня.

Следующим демонстрируется фильм о герое-летчике. Картина почему-то вызывает у Мани необычный интерес. Она смотрит во все глаза, слушает длинные экранные разговоры, будто понимает обсуждаемые на экране проблемы.

Но вот наступает центральный эпизод – авария, летчик в госпитале, белые халаты, устрашающий блеск скальпелей,

шприцов, ножниц... И страдальческое лицо летчика.

Манюня садится ближе к Ба, вся в переживаниях, ерзает, не соглашаясь с происходящим на экране.

Но все заканчивается хорошо – летчик жив, его награждает орденом министр в поблескивающих очках с бородкой клинышком.

Маня облегченно вздыхает, счастливый финал ее устраивает.

– Он себя не жалел, других жалел... смерть пришла и говорит: «такой добрый человек, себя не жалел, других жалел, лучше я уйду», и ушла, – говорит удовлетворенно...

Детка на эту Манину тираду вдруг возвещает:

– А я хотела бы тоже прославиться... у нашего дедушки только музейная слава... а вот Ленин лежит в мавзолее и по нему черви не ползают... вот это настоящая слава...

Вызванный этими словами легендарный Дедушка спрыгивает в комнату с висящего на стене своего портрета. С пистолетом на боку, с гвардейским значком на груди он потягивается, разминая тело, и пружинисто проходитеся по комнате.

– Да, Детка, ты права, музейная слава скучна, – говорит он задумчиво, – хо-

дят, смотрят на мою фотографию, а я и рассказать ничего не могу... мне бы твои годы, так я не искал бы славы.

– А что бы ты искал? – Детка жадно ожидает ответ.

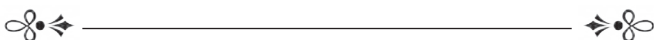
– Всякое смешное, – отвечает Дедушка, потирая шрам над бровью, и продолжает, – жизнь хороша, пока вызывает смех... конечно, смех без причины – признак дурачины, но вокруг столько забавного... взять хоть бы эти Манины умозаключения про летчика и смерть...

Он тихонько, словно про себя, смеется, поправляет кобуру и одним прыжком легко возвращается в свой портрет...

Но в холода со смехом не густо, особенно в межсезонье, перед Новым годом, когда еще не лег снег, но над канализационными люками уже начинают извиваться белые клубы пара. Манюня знает, что это головы Змея Горыныча ищут, кого бы из прохожих забрать к себе в страшное змеиное подземелье. И, едва заметив на горизонте белесое клубление, настораживается, крепче цепляется за руку Ма и то ли спрашивает, то ли утверждает:

– Змей Горыныч?!

Будто ожидает, что когда-то его все-таки изгонят из города.

– Конечно... это он... злощий к тому же, – подтверждает Ма, – обходим его десятой дорогой.

Она сегодня идет на работу, а Мусик ведет Маню на прогулку без цели, то есть куда глаза глядят. А глаза глядят в центр города, где всегда есть что-то интересное.

– Стоп, – говорит Ма, – вот мой автобус, я убегаю.

И Маня стоит, глядя ей вслед, пока Ма не скрывается внутри автобусного салона.

– Она бы обиделась, если бы мы раньше ушли, – объясняет Мусику.

– Ты бы тоже обиделась? – уточняет Мусик.

– Да, – Маня хочет еще что-то объяснить, но они уже подходят к остановке, и подкатывает нужный им троллейбус.

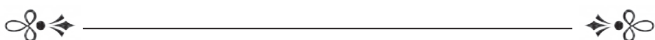
Но через пару остановок троллейбус останавливается, водитель выходит, оставив дверь открытой, и пассажиры начинают медленно вытекать из салона.

Манюня не хочет выходить.

– У меня кончились ноги, – возмущается, – скажи, пусть троллейбус едет.

– А у него плохое настроение... он разозлился и не хочет нас возить, – проясняет ситуацию Мусик.

Маня ретируется, оглядываясь на транспорт с опаской – впервые ей попадается троллейбус с настроением.

Уходя, она оборачивается и вежливо прощается:

– До свидания, троллейбус.

Когда они доходят до центральной площади, там еще только начинают устанавливать елку, она сверху сформована, а внизу торчат пустые трубы.

Маня, ступив на площадь, бежит к елке, но по мере приближения замедляет бег.

– Она облысела? – спрашивает с ужасом.

– Она вверху выросла, а внизу еще растет, – объясняет Мусик.

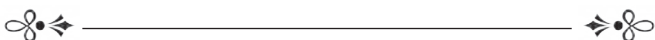
– А до Нового года вырастет?

– А как же... не то Дед Мороз не нарядит ее, и будет елочка стоять некрасивой... осталось ей расти две недели, – уверяет Муся.

Маня успокаивается. Погуляв вокруг елки, они идут встречать Детку со школы, и всю дорогу Манюня задумчива, а увидав выходящую из школы сестру, припускает навстречу ей с криком:

– Дета, у железной елки из труб растут елочки... и Дед Мороз следит, чтобы она их вырастила за две недели...

Упомянутый Дед Мороз тут как тут. Смеющийся, с посохом подмышкой, он появляется из дверей школы, потирая руки:

*– Будет вам и белка, будет и свисток,
будет вам и елка, и подарок в срок.*

Он садится в подкатившую тройку с белоснежными лошадами... И машет рукой, проезжая мимо Муси, Детки и застывшей столбиком Мани...

Конечно, этот праздничный выезд Деда Мороза хорошо отрежиссирован Вселенной для того, чтобы напомнить, что пора уже готовить новогодний концерт.

Правда, Детке и не требуется напоминание, она уже написала программку концерта:

1. «Вступление» – Детка.
2. «Индийский танец» – Маня.
3. «Елочка» – Маня и Детка.
4. «Стишок» – Маня.
5. «Цыганский танец» – Детка.
6. «Таня», «Бычок» – Маня.
7. «Балет» – Детка.
8. «Заключительная сказка».
9. «Сатирическая сценка».
10. Конец.

И уже написана Деткой телеграмма, которую бросит в почтовый ящик она сама:

*«Я приеду в гости к вам в Новый Год.
Гиппопотам».*

А Гиппопотамом будет Ма, она доставит перед боем кремлевских курантов африканские подарки. Все это делается для Мани...

Как еще доверчива Манюня! Как послушна она режиссерским находкам Детки, когда декламирует стишки про Таню, уронившую в речку мячик, или про боязливого Бычка... Но, конечно, от волнения на сцене под наряженной елкой Манечка забудет слова, и все трое зрителей станут шепотом суфлировать ей...

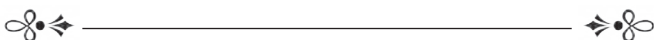
А Детка для цыганского танца долго будет перебирать бижутерию Ма и Муси, придирчиво выбирая бусы, мониста, броши, украшая себя, пока сама не станет похожа на наряженную елочку.

Воспоминания – отражения в туманном зеркале, они требуют напряженного взглядывания, чтобы проявилась детальность ушедшей жизни. Но я, и не глядясь, в слое временной амальгамы вижу это фантастически пестрое действо, устроенное Деткой, режиссером новогоднего веселья.

Этим детским желанием безоглядной радости Детка пытается компенсировать тяжеловесность буден...

Пусть не будет этой тяжеловесности и в воспоминаниях. Только радость... Безоглядная радость...

И этот досрочный выезд Деда Мороза из школы, конечно, устроен для Мани, чтобы она с радостью ходила в школу, где происходят такие чудеса.

Маня уже почти полгода первоклашка, но прежде того пришлось ей потрудиться, чтобы не ударить лицом в грязь.

И Муся для этого потрудилась, сочинила азбуку, так и назвав ее «Азбука для Мани», и первые буквы Манюня написала в этой из листов ватмана склеенной брошюре, в единственном, только для нее придуманном букварике.

А когда алфавит был осилен, Детка сочинила свое напутствие будущей ученице. И была там главная мудрость, что ученье – свет... И про терпенье и труд, которые все перетрут... И про трудности на пути знаний... Но, вдохновляя на преодоление этих трудностей, последняя фраза Деткиного напутствия так оптимистична:

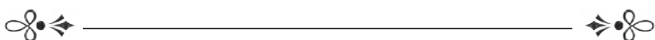
«Но не теряй надежду на этом пути!»

И знак восклицания, конечно, должен вдохновлять.

Маня быстро освоила алфавит и была допущена к оформлению билетов в домашний диафильмтеатр, каждый сеанс которого анонсирует Детка обращением к зрителям:

«Дорогой товарищ!

Добро пожаловать в наш диафильмтеатр. Сегодня вы сможете увидеть...»

И далее вдохновенно излагается сюжет предстоящего показа, написанный Деткиным вольным почерком, по которому видно, как не успевает ее рука за полетом фантазии.

Освоившая азбуку Манюня, допущенная к оформлению входных билетов, старательно пишет на волнисто вырезанных листочках цветной бумаги:

«Билет в – терер на 8 ноября – состоица концерт-неизвествинственность...»

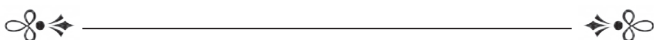
Простим персональную орфографию первокласснице, у нее еще все впереди...

Впрочем, никто и не обратит внимания на орфографию этих пестрых, как палитра, билетиков, которые вручаются каждому зрителю в награду за присутствие...

Я извлекаю из памяти воспоминание, поименованное «Диафильмтеатр», с некоторой грустью. Это уже ушедшая натура. Серый диаскоп с потертым от употребления корпусом еще хранится в доме где-то на антресолях... И коллекция диафильмов в цилиндрических коробочках там же...

Они уже не актуальны...

Но как уютно из сегодняшнего дня смотрится этот антураж сеансов: плотняный экран, закрепленный на книжном шкафу, диаскоп на столе, придвину-

том вплотную к дивану, где разместились зрители с киномехаником-чтецом...

И вот щелчок выключателя... гаснет свет... И тьму пререзает луч диаскопа, по которому сюжет перетекает на экран первым кадром с титрами внизу. И чтец-киномеханик озвучивает титры.

Под его чтение разворачивается сюжет, и по комнате скачет на Сером Волке Иван Царевич со спасенной Василисой Прекрасной...

И Гадкий Утенок прямо на глазах превращается в гордого Лебедя...

И исповедуется в горестях нерадивый школьник:

Учитель задал мне вопрос:

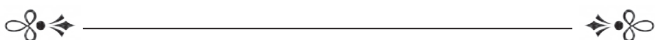
– Где расположен Канин нос?

А ученик не знает ответа, указывает на свой нос и нос друга своего Вани. Такой вот конфуз случился, отчего по лицу двоечника разливается румянец стыда, соперничая цветом с его пионерским галстуком.

После этого фильма Маня особенно старательно делает уроки – чтобы не пришлось краснеть...

Но как же тяжело ей вставать по утрам в школу! И проснувшаяся Манюня лежит, что-то бормоча и похныкивая. Музик подходит узнать причину недовольства, но Манюня раздраженно требует:

– Не тебя... Ма...

Ма уже несет колготки, торопя:

– Давай быстрее, а то опоздаешь.

Маня, привыкнув, что ей надевают колготки, бубнит:

– Да... быстрее... всегда быстрее... как я эти колготки надену...

– Ты уже большая, – напоминает Мусик, – надевай сама.

Маня нервно всовывает ноги в колготки, раздраженно бормоча что-то одевающейся рядом Детке.

– Оставь Детку в покое, – одергивает ее Мусик.

И Маня вполне адекватно просит Детку:

– Дета, подай, пожалуйста, мое платье.

Завтракает она медленно и задумчиво. И когда время уже на грани опоздания, а Мусик просит есть быстрее, Маня изрекает:

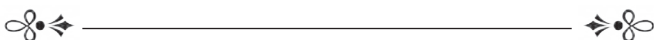
– Ты думаешь, я буду налопываться быстрее, – и вздыхает сокрушенно, – Ох, уж эти мне кормители...

И старательно облизывает ложку, бормоча:

– Больше не хочу... я уже накормленная...

Мусик выходит, а возвратившись, застаёт Маню на месте преступления: та переливает свою кашу в тарелку Ма.

Пойманная с поличным, Манюня выжидающе смотрит, что предпримет Муся.

Та молча переливает кашу обратно в Манину тарелку. Однако Маня ест все так же неспешно.

– Все, – говорит, не выдержав, Муся, – мы уже все равно опоздали, так что ты остаешься дома... дверь никому не открывай.

Маня мигом все съедает и бежит к зеркалу причесываться. Ей, чтобы коротенькие кудряшки причесать, требуется пару раз провести по ним расческой, а Детке с ее длинными волосами плести косы долгонько. К тому же Детка делает это медленно, оглядывает себя в зеркало со всех сторон.

– У нас в детстве большого зеркала не было, вот мы и не причесывались по полчаса, – говорит Мусик раздраженно.

– То-то ты сейчас перед зеркалом дольше всех крутишься, – отвечает в тон ей Детка...

Перед самым уходом не находится Маниной шапки, а косынка ей не нравится, девочка плачет навзрыд, не желая надевать ее. Детка отправлена в школу одна, а Мусик продолжает шапочные поиски. Но шапка как сквозь землю провалилась.

Так что рыдающую Маню приходится все же обрядить в платок, и она плетется, жалко всхлипывая.

– У тебя что-то болит? – спрашивает Мусик.

– Н-е-е-т, – тянет Маня.

– И все это море слез из-за жалкой косынки? – насмехается Муся.

– Никто не ходит в косынке.

– А если бы у тебя не было шапки и пришлось все время ходить в косынке.

– А я бы не надела.

– А если бы не на что было купить шапку?

– Как это: не на что... всем есть на что, а тебе нет на что?

– Есть дети, которым даже кушать не на что, – говорит нравоучительно Муся.

Маня мгновение сравнивает чужие горести со своими и, приглушив голос, объясняет:

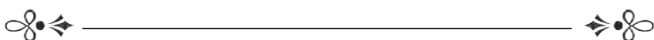
– А меня девочки дразнить будут...

– В школе всех дразнят... терпи...

– Нет, не всех...

Маня идет, съезжившись, оглядывается по сторонам – не встретятся ли одноклассники. К счастью, все знакомые уже прошли. Но, войдя во двор школы, при виде первой знакомой девочки Манюня начинает прятаться за Мусю, а когда та снимает с нее косынку, тут же извлекает из портфеля расческу и, причесавшись, успокаивается.

Убегая, из съезжившейся Золушки превратившись в аккуратно причесанную Принцессу, Манюня просит:

– Найди, пожалуйста, мою шапку.

Она вежлива, не забыла сказать «пожалуйста»...

Но есть в школьной обязательности глоток свободы – каникулы. И самые длинные – зимние. Когда тянет прогуляться по свежему снежку к излюбленному месту катания на санках – в загородные холмы над засиженным рыбаками водохранилищем. Воспоминание холодит, оно выскальзывает черно-белой гравюрой – на белом полотне взгорий медленно поднимается в гору группа людей... Ма ведет за руку Манюню, пересказывая ей любимую свою повесть о военных приключениях пионера Васька Трубачева* и его товарищей в тылу у фашистов. Сюжет расцвечен придумками Ма, и, слушая их, Муся про себя посмеивается.

Она везет Детку на саночках, та мерзнет, сидит кулём, сгорбившись, и, чтобы заставить ее двигаться, Мусик опрокидывает санки.

– Ты зачем мою сестричку в снег... чтобы она простыла, – возмущается Маня, заботливо отряхивая снег с Детки...

---

* Герой книги Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи».

Теперь саночки вверх по склону горы везет Маня. Это тяжело, но она себя вдохновляет:

– Ваську Трубочеву было тяжело... и солдатам тоже...

Ма приходит на помощь:

– А тут еще Васька ранили фашисты... ему нужно быстрее в госпиталь...

Отважный раненый пионер Васек Трубочев, едва шевеля губами, с саночек просит:

– Скорее... скорее, Маня... в госпиталь...

Маня, оглянувшись на болезненный голос, делает героический рывок вперед.

– Спаси меня, Манечка, – уже едва слышно шепчет Васек.

Маня из последних сил на четвереньках поднимается в гору, волоча саночки...

Тут Ма завершает испытание:

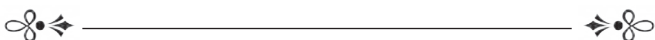
– Молодец, Манюня... вовремя успела... вот и он, госпиталь...

Маня обессиленно плюхается в санки... Дальше везти будут ее...

Мир и благодать ...

Ядописываю эти заметки в поезде, возвращаясь из командировки. Мой вагон как раз движется мимо хорошенького дачного поселка с новыми домами. Один домик издали так похож на

игрушечный. Подобный ему легко соорудить из картона, крышу смастерив из мини-бревнышек, которые выламываются из ручки обыкновенного веника...

Именно так и строились игрушечные коттеджики в том нашем доме... Воспоминание об этом домашнем строительстве легко выплывает из памяти, и первым видится двухэтажный с балкончиком, картонный особнячок. Очень похожий на этот, мимо которого только что проплыл мой вагон.

Превратилось в воспоминание то вдохновенное творчество, то картонное строительство, и память легко возвращает идиллическую картинку вечерней комнаты с украинским рядом вместо половика, на котором, плечо к плечу устроившись, Муся и Детка расписывают восточными узорами ковер для гостиной в новеньком игрушечном домике...

И Вселенная взирает в окно тоненьким серпом любопытной Луны, фиксируя это трогательное сотворчество где-то на обратной своей стороне, там, где записывается все, происходящее на Земле...

Когда же для картонных домиков стала мала комната, пришлось эвакуировать их на полки в прихожую, повесив указатель «Слободка Хэппиэндовка», обещающий

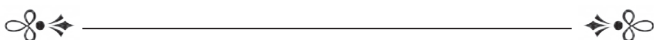
счастье обитателям ее. И по ночам туда перебирались из комнаты игрушки, заселяясь в домики, и тогда из прихожей доносились неясные голоса и едва различимая музыка... Отголоски игрушечных праздников...

Но жизнь в доме, задуманная допустить в себя только сюжеты со счастливыми финалами, никуда не могла деться от параллельно существующей реальности, в которой строился этот плывущий мимо моего вагонного окна симпатичный дачный поселок с домами не из картона и надежд, а из стандартного кирпича...

Реальная жизнь наступала со всех сторон. И символом ее, предчувствием будущей неисполнимости детских желаний стал, не ведая того, стеклянный самоварчик, украшавший окно обычного киоска с названием «Союзпечать»...

Ах, этот самоварчик! Он серебрился за стеклами киоска и совсем как настоящий заканчивался маленьким заварочным чайничком! И не то, чтобы он был запредельно дорогим, но Манюне его не покупали. Ясно было, что среди выносливых пластиковых и металлических игрушек он, стеклянный, такой хрупкий, долго не просуществует.

Сколько раз, проходя в школу мимо этого киоска, Маня просила купить са-

моварчик, и всякий раз ей обещали, но отсрочивали покупку по разным уважительным причинам. А Манюня все ждала и ждала...

Мой поезд движется сейчас мимо станции с названием «Журавка»... Милое название, так не вписывающееся в этот промозглый день с ливнем, оголтело стегающим вагонные окна...

Именно так в идею дома, задуманного допускать в себя только сюжеты со счастливыми финалами, не вписывалась неисполнимость Маниного терпеливого желания обладать блестящим Самоварчиком...

И однажды, когда Маня проходила мимо, Самоварчик постучал изнутри в стекло киоска.

– Маня, – грустно сказал он, когда девочка приблизилась, – зачем тебе я... стеклянный, маленький, ни чай попить, ни поиграть... и хрупкий я, разбивчивый...

– Но ты такой... такой, – в восхищении Маня на миг потеряла дар речи, – солнечный, – нашла, наконец, нужное слово, – я бы тебя берегла...

– Эх, ты не понимаешь, – вздыхает Самоварчик, – ты растешь... и скоро я тебе стану не по росту.

– А ты тоже расти, – Маня щедра, – если очень захочешь, то будешь расти вместе со мной...

Самоварчик затихает, раздумывая над ее словами, и вдруг изумленно восклицает:

– Ой, кажется, я расту... я раздуваюсь...

Он уже занял все пространство киоска, так что киоскерша выскакивает наружу...

– Граждане, спасайсь, кто может, – кричит она, – самовар сбрендил...

Тут же собирается толпа зрителей, а Самовар высовывает маленький чайничек наружу и свистит:

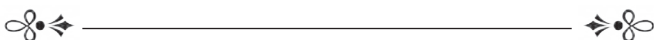
– Гляди, Маня, какой я большой... это фокус-покус... чтобы ты, когда вырастешь, пила мой чай с баранками... или с вареньем... с чем полюбишь...

А кто знает, с чем, когда вырастет, полюбит пить чай Манюня?

Это непредсказуемо...

Как непредсказуемо было появление именно этих воспоминаний в повествовании. Почему именно они извлечены из памяти? Память плотно заселена существами, увязшими в ней вместе с кусочками жизни. Но поактивничала почему-то именно эта компания поселенцев памяти, и сейчас мне любопытно взглянуть на них, вызвав всех для финального поклона:

– Пожалуйте, друзья!

Глядя со стороны на сотворенное, я замечаю некий перекося в сюжете: почему-то Детка оказалась на втором плане, а Ба и Ма не пробивались сквозь Мусину активность. Эта загадка имеет свою разгадку: в повествовании главное – идея. Важна задумка такого дома, где все жизненные сюжеты завершаются счастливо. Значима сама идея Дома Восходящего Счастья, которую реализовывали персонажи повествования в отдельно взятой квартире многоэтажного дома по улице... Впрочем, не важно название улицы... И перекося тоже не важен...

Идея оказалась важнее личностей, попав в руки персонажей, которые пожелали отрежиссировать жизнь под свою идею... А это излишне самонадеянно...

Жизнь самодостаточна, ей не требуются режиссеры-дилетанты. Она когда-нибудь обязательно дает ответы на поставленные ею же вопросы. Ответит она когда-то и на вопрос о причинах несовершенств этого повествования.

Возможно...

Но сегодня я с грустным чувством законченного труда гляжу, как выходят для финального поклона обитатели моего Дома Восходящего Счастья...

Их не так много... А любимых и не может быть много...

ПОЛЕТ ИЗ ДЕТСТВА

«Введите в свою жизнь тот мир, блески которого уже даны вам щедрой, тайной рукой».

А. Грин

Не верить ей я не могу, как подруга самая близкая. И вовсе не той близостью мелочной, касающейся быта и ежедневности. Нет, в наших разговорах не находится места для этих простеньких деталей. Наши беседы касаются необычности жизни, того, что существует бок о бок с нами незамеченно... Точнее, замечаемое ею, моей подругой, настроенной на волну необычайности. А необычности, оказывается, значительно больше в жизни, чем сопровождающей нас, как преданный пес, очевидности.

Мы и отгоним эту назойливую очевидность для вольности изложения очередной истории, в достоверность которой я верю неукоснительно.

А началось все с первой случайности, авантюрно приспособленной подругой к своему любопытству. И тот, ее зама-

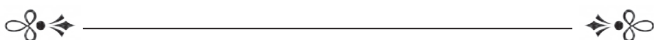

нивший случай даже при изложении неказистом в такое волнение привел меня, что с той встревоженностью не справилась я. Скрывая свои поиски, ожидала я повторения оказии, доставшейся подруге просто так, а мне стоившей изобретательности и конспирации. Поскольку, видно, иголку в стоге сена искала я, обследуя нашу окраинную местность со всех сторон, в зарослях бурьянных не постеснявшись бродить, огороды слободские оглядывая. Только умчавшая подругу пролетка с рыжим скакуном не поджидала меня нигде. Одна надежда оставалась на небо, где наблюдала я движение плавное среди облаков, и зачастую крылатые фигуры выплывали... Однако развеивались те желательные для меня образы бесследно, хоть как ни надеялась я, что, как подруге, подфартит мне какой-то чрезвычайностью завершить пору нашего детства.

А подруга всегда и начинает свой рассказ именно так, упоминанием о нашем детстве, которое заканчивалось в то лето...

Вроде ничего замечательного не происходит, а вокруг все как сговорились, только и слышишь:

— Да тебя не узнать... как ты повзрослела... жаль, заканчивается твое детство...

И, кажется, ждут от меня чего-то...

А я ничегошеньки не чувствую, никакого Рубикона не вижу. Но когда тебе о нем напоминают, то начинаешь его искать. Вот и я стала ожидать, когда же он появится, чтобы не упустить момент перехода в новое, недетское, время.

В те дни мне часто стало казаться, что совсем рядом, буквально за моей спиной, происходит что-то, ощущаемое внезапным волнением, от которого я оглядывалась, как от едва слышного оклика. И мгновенно окружающее приобретало незамеченную прежде значимость, становилось празднично неузнаваемым. Но проходил миг-другой, и все возвращалось к прежней будничной тусклости. Как досадно было тогда, что опять я упустила какую-то замечательную возможность. Эта досада подогревала ожидание следующего подобного мгновения. Уж тогда я, конечно же, не буду растяпой!

И вот, наконец, я не была растяпой! Я сидела в нарядной пролетке, откинувшись на бархатистую спинку сиденья, и у меня захватывало дух – прощай, привычная жизнь. Наконец-то я оказалась в нужном месте в нужное время!

К нам часто приезжают снимать кино, обычно в старом городе, где сохранился кремль. На его крепостной стене даже мотоциклетное представление показы-

вали. На съемки тогда сбежался весь город.

Но как оказался в нашей слободке этот рыжий конь с султанами, впряженный в серебристую пролетку? Экипаж неожиданно показался в конце переулка, по которому я шла, и, убавив ход, двигался мне навстречу.

И вдруг, поравнявшись со мной, рыжий конек залихватски заржал, обнажив желтые зубы. Казалось, глаз его игриво подмигнул мне. И в ответ я расхохоталась.

Вообще-то засмеяться мне ничего не стоит, покажите мизинец, и я уже смеюсь. С такой смехолюбивой природой я зачастую кажусь странной. Но на всякую неожиданность отвечать правильно – плакать от боли, визжать от страха, ругаться в ответ на обиду – я не умею. А потому на неожиданные ситуации у меня одна реакция – смех. Вот и сейчас в ответ на загадочную конскую мимику я расхохоталась.

И, как по команде, экипаж остановился, а кучер, склонившись с козел, спросил:

– Ты не прочь сделать доброе дело?

А представь, что тебе делают такое предложение в скучном летнем городе, где даже пыльные липы от жары истекают смолой, как слезами, и даже чтение

книг не спасает от обволакивающей, как клейкая вата, лени.

– Почему бы и нет, – ответила я фразой, которой пользуюсь, когда требуется принять решение, а я не знаю, как поступить. Слова эти ничего не обещали, но и не были отказом.

И, взглянув на странно плоские часы, свисающие на толстой цепи с шеи кучера, прикинув, что на доброе дело у меня остается примерно два часа сорок минут, я уточнила:

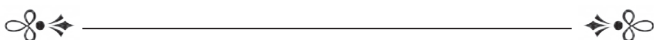
– А за два с половиной часа я управлюсь?..

– Думаю, вполне, – как-то раздумчиво ответил он.

Мне показалось, что мой вопрос слегка озадачил хозяина экипажа. В своей широкополой шляпе, яркой клетчатой рубашке с повязанным на шее голубым платком выглядел он ковбоем из вестерна. Это наводило на мысль о киносъемках, с которых он явился сюда и, видимо, предлагал мне поучаствовать в них.

А мне вовсе и не важно стало, откуда и куда я шла, какие привычные дела ожидали меня. Я оторвалась от них без всякого усилия, как отрываются только в предвкушении чего-то чрезвычайного.

Это слово, выдавало сильное волнение подруги, всегда рассказывающей начальный эпизод этой истории возвы-

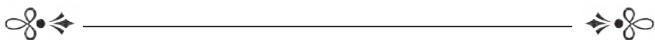

шенным до торжественности голосом, снижающимся по мере дальнейшего повествования...

Я удивилась скорости, с которой мы так быстро оказались за городом. И совсем не знакома мне была открытая до горизонта степь, прорезанная извилистым руслом реки, на берегу которой невдалеке зеленела рощица, а за ней вертелись крылья ветряной мельницы.

Вскоре мы остановились перед этим ветряком, и так близко, что бросилась в глаза глянецвитость отполированных мельничных крыльев. Я соскочила на землю, опередив спустившегося вслед Ковбоя, как я про себя стала звать хозяина экипажа. К моему удивлению, он оказался просто гулливерского роста. Опираясь рукой на пояс с как-то игрушечно смотрящимся на нем кинжалом, он напряженно вглядывался в конец мельничного двора, где стоял небольшой, крытый красной черепицей домик.

— Ничему не удивляйся... потом я все объясню, — бросил мне Ковбой и, широко шагая, устремился к домику, на крыльце которого как раз появился низенький, обросший длинными волосами, похожий на лешего мельник. Ссутулившись, он ожидал нашего приближения, поглаживая золотистую змейку, обвившую посох в его руке. Змейка казалась живой,

ее головка лежала на кисти мельника и посверкивала угольками глаз... И вдруг змейка с шипением выбросила жало!

Это было зрелище! Я тут же включила камеру, она всегда наготове висит у меня на груди, чтобы можно было начать съемку в любой момент – ведь не знаешь, когда появится очередной замечательный кадр. Сегодняшний день начался именно таким кадром – похожим на лешего хозяином мельницы с живой змейкой на посохе!

А Ковбой в это время приблизился к крыльцу и каким-то сдавленным голосом заговорил с мельником:

– Франил, я хочу видеть сына.

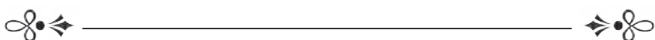
– Зачастил ты что-то, Элтор, – голосом, похожим на шипенье, ответил тот.

Так странно звучали произнесенные имена: Ковбой именовался Элтором, мельник – Франилом, и так напряженно, не скрывая враждебности, глядели эти двое друг на друга, что мне стало не по себе.

– Твой сын трудится... не отвлекай... хоть маленькая польза от него...

Последние слова о пользе мельник почти выкрикнул. Но, видимо, Ковбой знал подтекст, вложенный в эту фразу.

– Ты придумал эту пользу... здесь всегда гуляли ветра, для мельницы это-

го было достаточно, – ответил он сквозь зубы.

– А пусть Кнай отрабатывает свой дар... какая-никакая, а польза.

– Франил, я уже говорил об этом, но ты не хочешь слышать... польза пользе – рознь... полеты Кная дают надежду, что доступное одному человеку может повторить и другой.

– Браво-бис твоей надежде... и вправду ты, Элтор, фантазер, – Франил даже пристукнул посохом, – вот я реально летал под куполом цирка и без крыльев... и от моих полетов была польза... зрители валом валили поглазеть, – он злобно передернулся лицом, – и я летел из-под купола... вниз... до самой арены... и опять взлетал вверх... и все дружно ахали – как же так, он не разбился... но они дождались, шакалы... и исчез с афиш летающий Франил, – мельник оскалил зубы, что должно было означать улыбку.

– А теперь в цирке кто-то другой повторяет твой трюк... людям нужна надежда.

– Нет, меня, летающего Франила, никто не заменил... не по зубам, – Франил аж шипел от злости, – вот где нужны крылатые мальчишки – в цирке... и в моем цирке я придумал твоему Кнаю полезный трюк... браво-бис мне...

Он оглянулся на крылья ветряка, усмехнулся и, сняв с посоха змейку, надел ее спиралью на руку. Помолчав и полюбовавшись этим украшением, Франил вразяжку сказал:

– Посмотри на эту змейку... она знает только меня, своего хозяина... и этого ей довольно, этим она полезна мне, а польза превыше всего...

Проговаривая последние слова, он неожиданно взглянул на меня в упор. Его глаза зло блеснули.

– Но так и быть... зрителей надо уважать... пусть девчонка посмотрит...

Он широко повел свободной рукой и возгласил неожиданно тонким голосом:

– Зрители-зеваки, на нашей арене новый аттракцион: единственный в Ирго-се крылатый мальчишка... смотрите не пропустите...

Раз, два, три, четыре, пять,

Кнай выходит полетать...

Так бормоча и даже пританцовывая, Франил спустился с крыльца и мелкими шагами, вперевалку, двинулся за угол дома...

Разговор тот пересказывался подружкой не дословно, как всякая человеческая речь, но на Франиловых «браво-бис» скидывала она руку вверх, видно, как делал сам мельник, будто угрожая небу за то, что не дало оно ему крыльев. А

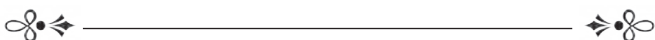
*подруга этим жестом, видимо, набира-
ла воздух для восторга.*

Как он хотел взлететь! Как напрягался при каждом взмахе крыльев! Как устремлялось вверх его тело! Но полет прерывался в самом начале. И все равно казалось, что вот-вот, еще немного, и ему удастся оторваться от площадки на вершине остроконечной башни и взлететь.

А я делала снимок за снимком, замирая от красоты зрелища. Конечно же, это будет лучший кадр в моей коллекции!

– Кнай, – крикнул сквозь мельничный шум Элтор, пересекая площадку перед башней. И мальчик обернулся на зов, вскинув приветственно обе руки, будто собирался спрыгнуть к нам. Крылья за его спиной стали сжиматься, и пока он спускался по лестнице, от них на плечах его остался только сборчатый белый воротник.

Я, забыв о камере, как замороженная следила за этим превращением, с трудом осознавая, что впервые в жизни вижу крылатого мальчика. Кнай спускался, сопровождаемый каким-то ритмичным позвякиваньем... Это было так невероятно, но сомневаться не приходилось – позвякивали цепи на его ногах! Улыбаясь, навстречу нам по лестнице внутри

железной клетки спускался закованный в цепи крылатый мальчик со странным именем Кнай!

Он остановился так близко... Такой обыкновенный... Ростом даже чуть ниже меня. И я задала самый глупый из вопросов:

– А у тебя крылья настоящие?

– Нет, я их привязываю, – заносчиво ответил мальчишка, смешно вскинув подбородок, – а ты, видно, впервые в цирке Франила... что, нравится? – продолжает с вызовом.

– Нет, не нравится... мы не рабы, рабы не мы, – автоматически вырывается у меня, – американское рабство было последним и давно отменено... ты что не знаешь...

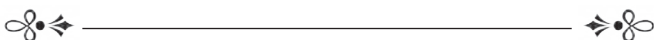
– Рабство... ну и словечко, я такого не знаю... о чем ты говоришь, – смешно фыркнул мальчишка.

– Хватит, Кнай, болтать, – вмешался Франил, – смотри, уже и зрители прилетели на твой трюк, браво-бис, – указал он вверх, где парила над мельницей, почти не двигая крыльями, появившаяся откуда-то пара аистов.

Франил направил на мальчика посох, и змейка, соскользнув, с шипеньем поползла к башне.

– Отец, эти змеи здесь везде... уходите скорее, – с отвращением глядя на

ползущую змею, мальчик стал отступать вглубь клетки...

Когда пролетка выскочила за ворота мельницы, я все еще с трудом осознавала, чему стала свидетельницей.

Вычитанные из книг способы освобождения Кная вертелись в голове, и удивительно было, почему Элтор не воспользовался ни одним из них.

Одно было ясно, что попала я не на киносъемки, а в странную реальность. Ее новизна не то, чтобы пугала, но требовала от меня чего-то, а чего – непонятно...

И тут мне пришло в голову, что, может быть, эта странная реальность и есть то самое новое время, в которое я перешла из детства, не заметив момент перехода. От прежнего осталось знакомое по экзаменам ощущение, когда кажется, что ничего не знаешь, и только надеешься на счастливый билетик.

А какие еще билеты были в руках Элтора, когда он предложил мне поучаствовать в добром деле. Доброе дело, конечно, было счастливым билетом, как было отказаться от него?

Мне уже не странно были впервые услышанные имена: Франилу впору было его фыркающее имя, Элтор звучало подголоском мелодии часов, висящих на его груди. А Кнай... Наверное, когда он ле-

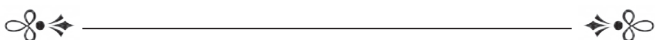
тел, его имя слышалось в шелесте крыльев...

Я завидовала Кнаю, и уже прикидывала на себя возможность крылатости. Ведь то, что возможно одному человеку, может повторить и другой!

В этом месте ее повествования я как-то намек сделала на наивность веры в человека-птицу. Крылья не шестой же палец и не тридцать третий зуб, это какая же свобода открывается крылатым!

Ответ подруги сводился к тому, что та вера вовсе не наивность, что время для человека не сплошняком течет, а с разрывами. Ну, хоть тогда, когда заканчивается пора детства, должен же быть скачок к новому состоянию. А скачок такой и сопровождается разрывом времени, и просто обязано тогда произойти что-нибудь чрезвычайное. Вроде появления городка Иргос, о котором подруга говорит всегда взхлеб...

Не полюбить Иргос сразу же, с первого взгляда, было невозможно! Конечно, у задумавшего его архитектора была незатейливая мысль – построить город, где никто бы не ошибся, разыскивая булочную, а смело шел к дому-батону. А кому требовалась аптека, ее определенно следовало искать в доме-градуснике.

Откуда-то я уже знала о таком городе, может, где-то читала... Или эта идея носится в воздухе? Я никак не могла набрести памятью на источник своего знания, соскакивая с пролетки и во все глаза рассматривая веселую улицу, похожую на великанский игрушечный магазин: рядом подмигивал циферблат дома-часов, справа ритмично выплясывал дом-сапог, а слева дом-селезень тяжело преступал оранжевыми лапами. Но смешнее всего смотрелся дом-парикмахерская, коричневая крыша которого напоминала завитой буклями парик, а два круглых окна, казалось, удивленно выпучивали глаза. И невольно я рассмеялась.

Но не успела я досмеяться, как поняла, что попала впросак со своим смехом, если Элтор, соскакивая с пролетки, вдруг схватился за голову, сбив набекрень шляпу. Он даже не поправил ее, а тревожно оглядываясь, что-то крикнул коню, отчего тот как угорелый помчался прочь.

Тут я впервые отметила странную пустынность и удивительную для города тишину. Но тишина была недолгой – в воздухе откуда-то возник неясный усиливающийся звук. Я не поняла, откуда он шел, но одновременно с ним в конце улицы началось какое-то движение.

Казалось, темная густая масса медленно растекается, выползая из-под изгородей, сползая со стен домов. Присмотревшись, я стала различать над этой массой вскидывающиеся узкие головки. Целая армия змей, шипя, наступала на нас!

– Только не двигайся, и все будет хорошо, – услышала я голос Элтора.

Он взял меня за руку и увлек на середину улицы, затем ловко выхватил из-за пояса кинжал и полоснул им по руке выше кисти.

Я вскрикнула, когда из раны закапала кровь, но Элтор, будто не чувствуя боли, вполголоса успокоил:

– Не бойся, Нэл, так надо, – и стал медленно обходить вокруг меня. Оцепенев, я глядела, как капли крови, загоревшись в солнечном свете, темными пятнами покрывали камни мостовой.

Змеиная масса приближалась, шипя и шелестя телами. Я различала множество змеиных голов с вибрирующими жалами, это был классный кадр!

И, забыв об опасности, я включила камеру, записывая змеиное нашествие и внезапное отступление их от кровавого круга, нарисованного Элтором. Только что совсем близко были их вздрагивающие жала, извивающиеся узоры гибких тел, совсем рядом сверкали глаза, и

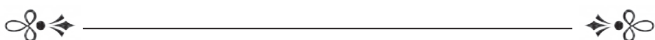
вдруг, будто ожёгшись о кровавые капли, змеи вздыбливались и, шипя, стелкаясь, уползали прочь, чуть ли не по спинам друг друга.

– Твой смех для них сигнал опасности, Нэл... так их выдрессировал Фрэнк, – когда уползла последняя змея, объяснил Элтор, закладывая кинжал за пояс и обматывая рану снятым с шеи платком, – но ты молодец, не из робкого десятка. Он второй раз назвал меня этим, не моим, именем – Нэл.

Не то, чтоб меня злила та ее похвальба: ты не из робкого десятка... ты храбрая девочка. Похвалу Элтора подружка словесно изменяла. Оно и правда – как запомнить слово в слово речь человеческую?

Только про храбрость подружку я рассказала другой эпизод. Там не змеи участвовали, а мышки-полёвки, и одна из них в карман снятой подружкой и брошенной на землю штормовки залезла. То ли учуяла мышка деликатес, то ли гнездо собиралась в кармане устроить.

Только подружка про то не знала и как ни в чем ни бывало полезла в карман за припасенными карамельками, чтоб подкрепиться для сельской работы. Тогда, школьниками, мы помогали селянам на уборке урожая, приобщались к труду.

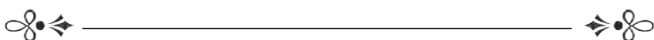
Так вот, полезла подруга в карман, а там живое что-то... И кто б видел ту картину, как она сама угорелой мышью металась по полю с воплями и поднятыми вверх руками, мышке показывая полную свою капитуляцию, мол, сдаюсь, только не укуси меня.

С трудом ее и догнали, и освободили от шитормовки. А потом кто-то подругу этой мышкой приучить решил, чтоб не боялась она мышиных. Демонстрирует безобидное животное, держа грызунчика перепуганного в ладони, а тот затих после стресса, как неживой. Но подруга опять в крик: уберите, мол, от меня эту мерзость...

Это на предмет ее храбрости.

Пришлось мне ту мышку забрать и выпустить на волю. И тем поступком приобрела я себе подругу признательную. Пусть и с мышебоязнью, но в Иргосе одолевшую все боязни. Такое у всякого произойдет, если то кому-то очень требуется... То есть никакой прошлой боязни не захватила подруга с собой на доброе дело. А Элтор даже крови своей не пожалел для ее защиты, а иначе погибла бы подруга на пороге дома-часов, про который особенный рассказ у нее был...

А дом-часы, куда привел меня Элтор после змеиного нашествия, сразу стал

удивлять меня. Все было в нем непривычно – вспыхивали лампы, едва открывалась дверь, будто приветствовали входящего... Везде перемигивались причудливые циферблаты часов...

В высоком зале, куда мы пришли через череду комнат, под потолком качался кристалл маятника, нежно позванивающий при каждом движении.

Но я тут же забыла о нем, когда вдруг голубая обивка стен, как занавес, взметнулась вверх и вокруг нас зашумел лес! Покачивались еловые лапы от ветерка, слышался щебет птиц... А одна птичка с хохолком слетела сверху на поляну и тут же, будто испугавшись, скрылась.

Это было, как в кино! Можно было подумать, что зал окаймлял высоченный, под самый потолок, экран. Я медленно поворачивалась кругом, чтоб охватить всю панораму, удивляясь, что вместе с изображением от экрана в зал с ветерком долетает лесной хвойный дух.

В это время на поляну вышел барсук и, поведя мордочкой, взглянул на меня. Я подошла к экрану, потянулась к зверьку, и... Почти не веря себе, я ощутила, как под моей рукой упруго изгибается его тельце! Оказывается, экрана между нами не было!

Я гладила ручного барсука, я чувствовала его жесткую шерсть... Однако, ког-

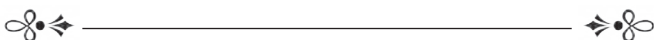
да попыталась перенести зверька в зал, это мне не удалось. Ага, значит невидимый экран все же существовал! А можно ли самой проникнуть в заэкранье?

Я осторожно переступила границу зала... И тут же почувствовала под ногами упругий лесной наст. Заэкранье было реальным!

Про тот экран память осталась у подружки самая свежая, судя по дальнейшему ее жизненному поведению. Кто ж такой мастеровитый станет разрисовывать стены своей комнаты собственноручно, скажите мне? Кому в голову влезет задумка в городском доме лес густой изобразить на стене для отгораживания себя от шума городского? Так этот кто-то и есть моя подружка. Она одна додумалась до такого новшества, чтобы прямо в доме зелень лесной и голубыми небесами над собой любоваться. И не требовалось никакого транспорта с гарью бензиновой, чтоб туда попасть, только надо погостевать у подружки в доме.

Хоть и было в том малеваньи подружкином явное несходство с лесным пейзажем, я бы могла такую живопись воспроизвести не хуже, только кто б мне дома разрешил такое занятие... А подружке дозволялось такое художественное украшательство комнатки ее в роди-

тельской хате, как бы вросшей в землю за вековое свое существование под гигантскими грушами на усадьбе родовой. Особенность долгожительства бросилась в глаза сразу, как попала я впервые в дом подружки. Не хватало для подобия с хатами сельскими картинными только соломенной крыши вместо железной.

В той низенькой хатке с окошками маленькими время не поработало, чтоб к современности приблизить: мебель сохранилась невиданная, и вся комната в вышивках крестиком, вплоть до рушников.

Может, в том сохраненном времени существую и те его детали ощущая, подруга вокруг себя особенность и поддерживала, разрисовывая лесным пейзажем стены почти безмебельной комнатки с вязаными половиками на деревянном выскобленном полу. К тому же и пример перед собой имела, так ее впечатлил дом-часы, и когда выпал случай, то разрисовала она стены реальными красками, а не воображаемыми, как ир-госский фантазер Элтор.

— Это не настоящий лес, это материализовалась моя фантазия... я умею делать реальным воображаемое... а еще могу изменять скорость времени...

Элтор взглянул на маятник, и тот стал прибавлять скорость. Под его колоколь-

чиковый звон лихорадочно замелькали на стенах разноцветные полосы и поляна стала желтеть, багроветь, бордоветь, пока не обрушился листопад...

А потом повалил снег! Снежинки опускались на ветки елей, на траву, на шерсть барсука... Я чувствовала снег на своем лице, густой, мягкий, тающий... Листопад и слепой снег, снег сквозь солнце – это было красиво!

– Да при чем тут красота, – возмутилась однажды я, – почему ты не попросила ускорить время так, чтобы на себя посмотреть через несколько лет, какой ты станешь... интересно же, в кого превратишься из...

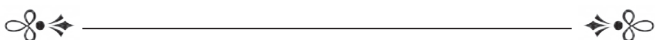
И тут замялась я, не зная, как назвать сегодняшнюю внешность подружки... А она ту заминку поняла и продолжила:

– Из гадкого утенка?

И сняла она очки неторопливо, и протерла глаза указательными пальцами рук, и засмеялась тихонько:

– Конечно, из гадкого утенка... а кем стану, неизвестно... только знать будущее – это себя обкрадывать... вдруг узнаешь то, чего лучше не знать... не все же в белых лебедок превращаются...

Но задосадовала я на подружку в тот момент, что упустила она такой эксперимент... И что на мой вопрос, как

на никчемный, смешком ответив, быстро вернулась к рассказу...

Тут Элтор взял у меня барсука и, выпустив его, двинулся в зал. Я пошла за ним, из зала еще несколько мгновений наблюдая это зрелище – листопад и слепой снег. Автоматически рука моя нажимала на спуск камеры, пока экран не затянулся голубым занавесом.

– Где-то все фантазии уже реально существуют... и мне остается только их вообразить, как они тут как тут, – Элтор будто слегка хвастал передо мной...

– Вот бы и мне так, – восхитилась я, еще под впечатлением слепого снегопада, – у меня столько фантазий!

– Знаю, – Элтор ничуть не удивился.

– Откуда, – осеклась я. Фантазии эти были только моими, я не хотела ни с кем делиться ими.

– Иргос означает Мечта... здесь все мечтают... а ты ведь тоже отсюда... только тебе об этом никто не говорил...

Откуда Элтор взял, что я из Иргоса. Я никогда здесь не бывала, и никто не называл меня Нэл.

Но не успела я ответить, как голубой занавес уплыл вверх и Элтор усадил меня в кресло рядом с собой. Тут и показалась женщина... Она вышла откуда-то из заэкранья, прошла рядом, почти коснувшись меня золотистой тканью

платья, и села на подлокотник кресла Элтора.

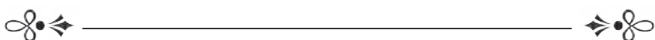
Она о чем-то тихо заговорила с ним, а он глядел на женщину с таким отчаяньем на лице, что мне стало неловко, будто я подсматриваю...

Но в это время Элтор обернулся ко мне:

– Это моя Траос – Радостная... такой у нее был дар – приносить радость... и наш Кнай получил в наследство от Фантазера и Приносящей Радость свои крылья... мы сыну сделали неплохой дар, правда, Траос?

Элтор закрыл глаза, оживляя, видимо, свои воспоминания... И на экране начался фильм о жизни Кная – обычная история детства, кроме одного: это было детство крылатого мальчика. И странно было видеть, как подрастают вместе с Кнаем его крылья... как он впервые пытается взлететь, но делает только необычно высокие прыжки... как смеются все, и он сам хохочет, когда шлепается, не управившись с крыльями.

И вот, наконец, он взлетает... а потом летает уже не только сам, а с пассажирами... На его плечах малыш, и ребенок хохочет, когда в полете Кнай делает сальто... А вот Кнай летает наперегонки с парой аистов, и так красивы в воздухе эти игры человека и птиц...

Тем тягостнее были последние кадры – закованный Кнай с отсутствующим лицом уныло машет крыльями на башне Франила...

Было тяжело это видеть, и я невольно взглянула на Траос. Но ее уже не было.

– Я не хочу, чтобы Траос знала о несчастье с сыном, – тихо сказал Элтор, – я не пускаю ее в эти воспоминания...

А когда экран затянулся голубым занавесом, он объяснил:

– Воспоминания всегда немного фантазия... в моей воле не показывать Траос всю правду...

– Да и зачем вся правда ей, – воскликнула я, еще не остыв после увиденного. – Зачем матери знать, как просто заманил Кная в ловушку Франил: поймал и посадил в клетку аистов, Кнай вошел в клетку выпустить на волю друзей, что и надо было мельнику. Так вместо аистов в клетке оказался сам Кнай!

– Франил появился на мельнице в тот год, когда ушла Траос, – и опять это имя было произнесено Элтором с такой страстью, что на этот зов сохранного чувства женщина возвратилась...

Я опять видела ее, Траос – Радостную, и было понятно, что для Элтора она никогда и не умирала, так мгновенно помолодел он, став странным образом похож на Кная.

Но так было только мгновенье... Лишь на миг он вернул и тут же отпустил Траос в ее радостный мир. А потом, будто с трудом возвратившись из своих воспоминаний, грустно сказал:

– Траос оставила мне Княя, а я не убе-рег его... но ты ведь мне поможешь... Нэл означает Спасительница... такой у тебя дар...

Я почувствовала себя самозванкой – никакого дара в себе не ощущаю, никого не спасала...

– Дар не в тягость, а в радость, Нэл... если в него верить, то все у тебя получится, – видимо, почувствовав мое смятение, продолжил Элтор, – пойдём, я покажу тебе змеиную ловушку...

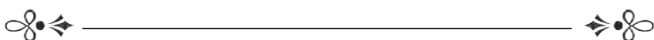
Во дворе дома-часов вровень с пролеткой стояло какое-то сооружение. Круглая, огороженная перилами площадка возвышалась над металлическим тюльпаном. Мы поднялись на площадку, Элтор нажал какой-то рычаг, и цветок внизу раскрылся, образуя зеленовато светящуюся перевернутую тарелку.

– Это летающая тарелка, – догадалась я.

– А разве тарелки могут летать? – удивился Элтор.

– Так у нас называются НЛЮ.

– Энэло? – переспросил Элтор.

– Неизвестные летающие объекты, –
объяснила я.

– А почему неизвестные?

– Они с других планет.

– Планет? – опять переспросил Элтор.

– Ну, как бы проще объяснить... вот
как – других миров...

– Как Иргос?

– Да, как Иргос.

– Но у нас тарелки не летают.

– А ловушка похожа на тарелку, вот я
и подумала об НЛО.

– Нет, это только ловушка для змей,
она сделает змей безопасными... зеле-
ные лучи вытянут из них весь яд...

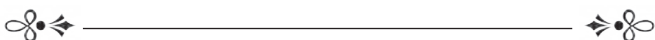
Элтор замолчал, и на моих глазах зе-
леноватое свечение медленно угасло,
как огонь в конфорке газовой плиты,
пока вовсе не исчезло.

– Но заманить их в ловушку можешь
только ты... и догадайся, как, – продол-
жил он.

Вопрос был задан неожиданно, и я рас-
терялась. Но недавнее нашествие змей
подказало ответ.

– Смеяться?

– Ты догадлива, но кроме смеха нуж-
но еще мужество... будет страшно, но
тебе надо будет смеяться и над своим
страхом, пока в городе не останется ни
одной змеи...

– Мне просто не надо на них смотреть, чтоб не испугаться, – немного подумав, нашла я выход.

Элтор как-то грустно взглянул на меня.

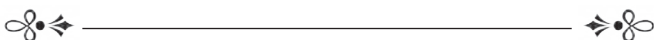
– Мы уже забыли, как это – смеяться... так что вся надежда на тебя, Нэл, – он как-то особенно произнес мое имя. И оно уже не показалось мне чужим.

То подружкино спасательство занозой сидело в ее натуре, так что искала она всякий намек, чтоб вынуть ту занозу свербящую. Не может пройти бесчувственно ни мимо пса бездомного, ни чтоб кошку дворовую не накормить, не устроить судьбу ее животинную. Зная ту подружкину натуру, подкидывают ей живность бесхозную, чтоб сделать хозяйкой своры собак и кошачьей фермершей. Она бы с радостью себе то устроила, когда б хата поболее была.

Видно, в том Иргосе натуру распознают точнехонько, угадали там, что хлебом подругу не корми, дай спасти кого-нибудь. Может, той благотворительностью удовлетворяется сама суть подружкиной натуры, проявившейся в спасении Иргоса, про что говорила она всегда голосом парадным.

Впряженный в пролетку рыжий конек быстро вывез змеиную ловушку на се-

рину улицы, мы с Элтором поднялись на площадку и стояли, как на трибуне в ожидании парада. Только парад должны были начать мы сами.

После того, что я узнала об Иргосе, улица не казалась мне игрушечной, а город не представлялся кукольным. Нет, все здесь было настоящим, и беспричинный смех не возникал при виде затихших в ожидании домов. Игрушечность не спасла город, ему было не до смеха, как и мне.

И я занервничала, вдруг вспомнив, что сейчас могла бы находиться не здесь, а в моем городе, который показался отсюда таким безопасным и родным. Там мне никто бы не задал такого задания – смеяться по заказу, если я не умею. Такое неприятное открытие пришлось вовсе не к месту здесь, в будто вымершем городе, где живым был только солнечный зайчик, вдруг выскочивший откуда-то. Отразившись от ртутно-блестящего шпиля дома-градусника, он метался между зеркальными крышами домов, будто искал что-то... И вдруг на одном из зигзагов зайчик скользнул мне прямо в глаза, так что я невольно отстранилась. Но зайчик переместился вслед за мной. Будто кто-то невидимым зеркальцем направлял на меня луч, предлагая поиграть. Это было веселое предложение, и я, смеясь, включилась в игру.

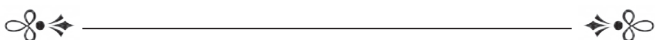
Ох, и не любит подруга моих конкретных вопросов об уничтожении змеиного воинства. Замалчивает она детали. Например, такую – гибли ли те ядовитые земноводные, а если гибли, то куда потом делись их шкурки ценные. Кто ж не знает, что из шкурок змеиных браслеты делают и художественностью они отличаются необыкновенной. А еще и оберегом числятся от злобных сил те наручные украшения. Однако сколько я не допытывалась насчет шкурок змеиных, только раздражают те вопросы подругу.

– И дались же тебе змеиные шкурки, – возмущается, – это только детали... мелочь по сравнению с главным...

– А что главное, – спрашиваю.

– А главное, что змеи потеряли ядовитость... видимо, зеленоватое свечение на их яд так подействовало... Элтор мне не объяснил принцип действия ловушки... да и кому детали интересны... враг повержен – и все, конец истории.

Так я и не узнала, достался ли подруге хоть какой трофей с того побоища змеиного, перепала ли ей хоть одна змеиная шкурка на браслет обереговый от ядовитости жизненной. Не отвечает на тот вопрос подруга, а в запале своей победительности переходит скоренько к сражению на мельнице.

Мы добирались на мельницу дольше, чем в первый раз: ловушка утяжеляла пролетку, и та двигалась медленнее.

К тому же, чтоб обмануть Франила, Элтор выбрал кружной путь. Въехав в граничащую с мельницей рощицу, мы проскочили накатанной дорогой к глухой стене дома.

Было видно, как Кнай вверху плавно машет крыльями. За шумом он не слышал нашего приближения. Не слышал и того, как мы отцепили ловушку и устанавливали ее за забором мельницы, напротив башни. И только когда ловушка была подготовлена, площадка поднята выше забора и я с Элтором взобрались на нее, Кнай заметил нас.

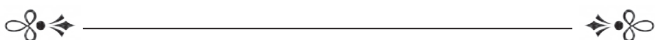
– Остановись... я перебираюсь к тебе,
– крикнул ему Элтор.

Все остальное было похоже на цирковой трюк.

Он ловко перебросил Кнаю канат, вдвоем они натянули его и, балансируя, как канатоходец, Элтор перебрался к сыну и, торопясь, стал разбивать замок на цепях Кная...

И вот уже Кнай стоит рядом со мной, и его крылья с легким шелестом начинают сжиматься..

– Не складывай крылья, – попросила я, – можно их потрогать?

Кнай протянул мне крыло. Оно было мягким, как губка, но прикосновение укололо меня электричеством. От неожиданности я вскрикнула и отдернула руку.

– Что с тобой? – удивился Кнай.

– На тебе электричество.

– Что... что это за словечко?

– Крыло щиплется электричеством, – уточнила я.

Кнай непонимающе глядел то на меня, то на Элтора. Но я не собиралась удивлять его своими познаниями об электричестве, меня рапирала радость:

– Ты ведь свободен... так лети... я еще не видала, как ты летаешь... хочется посмотреть, – попросила я.

– Это очень просто, смотри.

Крылья Кная с мелодичным щелчком раскрылись...

Он так легко взлетел! Уже через мгновение его крылья плескались над нами и мне казалось, что я слышу его имя в их плеске. Звук был такой веселый, что я расхохоталась. Я смеялась, глядя то на парящего Кная, то на сползающих со всех сторон, легко перемахивающих через забор змей.

Франил поздно заметил происходящее. Он выскочил из дома и, прихрамывая, бежал к нам. Было слышно, что мельник на бегу как-то необычно, пе-

реливчато свистит, замедляя шаг и балансируя посохом, будто земля под ним качается. Когда он приблизился, стало понятно, что то взбугрялись и опадали волнами ползущие змеи!

Я представила, как бы в фильме выглядел этот кадр: ползущие змеи, среди них хромой леший с клюкой, некое странное металлическое сооружение, на котором ухохатывается девчонка, то есть я. Ей бы заплакать от страха, а она хохочет по-дурачки. И от этой картинки мне стало еще смешнее.

Подруга часто примеривается – «как бы в фильме смотрелся этот кадр». Будто разглядывает происходящее через невидимый объектив, разыскивая «чрезвычайные» кадры. Как съемку ведет фильма жизни. И не простую съемку, а с особенной внимательностью, от которой между бровями на лбу ее уже и морщинка прорезалась. А куда дальше тот внутренний фильм отправлялся ею, про то кто знает. И хоть с каким напряжением, морща лоб, вглядывается она в жизнь, а спроси про вчера происходившее, ну, к примеру, про нашу прогулку с ней над прудами, близлежащими к ее дому, про любимое место наших блужданий под ивами, склонившимися к воде, так она про ту прогулку промолчит, как и не существовало ее.

– Ты что про всякие мелочи спрашиваешь, – только и скажет, искоса зорко глянув.

Мол, не отвлекаюсь я на мелочи жизни вроде прогулок над лягушачьими ставками.

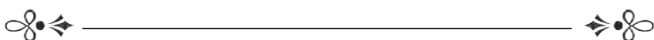
Зато о «чрезвычайности» иргосской рассказывать не устает и каждый раз детальность обновляет.

Когда все закончилось, я в победном чувстве, что змеи уничтожены, не могла понять, о чем тревожится Элтор, почему Кнай, стоя рядом со мной, то разворачивает, то складывает крылья, будто они мешают ему. Почему он не улетел подальше от зловещей мельницы? Мне хотелось, чтобы все вокруг радовалось победе над змеиным цирком Франила!

Вдруг какой-то новый звук возник вверху, над нами, и, подняв глаза, я увидела летящих аистов. Раскинув углами крылья, с пронзительными криками они кругами опускались к нам. Кнай радостно замахал руками и закричал, разворачивая крылья:

– Они ждали меня!

Однако от этого зрелища отвлекли меня звуки за спиной. Я обернулась и вскрикнула от неожиданности: прямо к нам от дальней стены дома медленно, неуклюже переваливаясь, шел Франил.

Я не заметила, куда он исчез, совершенно забыла о нем. Но Элтор, видимо, все это время помнил о мельнике и, настороженно наблюдая его приближение, тихо сказал Кнаю:

– Улетай отсюда с Нэл... я сам справлюсь.

В этот момент, присмотревшись, я поняла, отчего мельник идет так тяжело.

– Ой, какая, – невольно вырвалось у меня. Никогда не приходилось видеть таких чудовищных созданий! И, включив камеру, я стала записывать сцену приближения Франила с огромной змеей на плече.

– Кнай, сейчас же улетайте с Нэл, – повторил Элтор, не оборачиваясь. Он двинулся навстречу мельнику, на ходу вынимая из-за пояса кинжал.

Мы с Кнаем одновременно взглянули друг на друга – нам не хотелось уходить.

А Франил, поддерживая рукой огромную змею с волочащимся по земле хвостом, приближаясь, просипел:

– Браво-бис, Элтор... ты и правда фантазер... но рано празднуешь победу...

И, повысив голос, выкрикнул:

– Зрители-зеваки, на арене цирка смертельный аттракцион – жалкий человечиска против могучего удава... браво-бис!

И рывком стряхнул змею с плеча.

Но чудище не успело долететь до земли. Элтор, в резком выпаде выхватив из-за пояса кинжал, всадил его в голову удава и отскочил, готовясь к ответному нападению.

Франил, видимо, не ожидал этого. Он вскричал с каким-то жалобным подвыванием и, бросившись к гаду, попытался закрыть ладонью змеиную рану.

– Сейчас... сейчас... я тебе помогу, – шипел он, прижимая руку к голове змея. И это его движение не осталось безнаказанным – гад, от боли приняв его за обидчика, со всей яростью обреченного, пружинисто взвившись, обвился вокруг тела мельника. И Элтор, подскочив сбоку, рассек змею надвое...

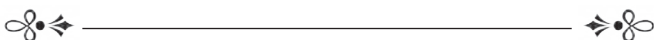
Рядом со мной Кнай начал смешно фыркать и, наконец, как-то несмело засмеялся, глядя, как Франил пытается разомкнуть объятья гада...

– Так ему и надо... мы не рабы... рабы не мы, – закричал, удивляя меня так скоро усвоенной фразой.

И, сбежав с ловушки на землю, мы, взявшись за руки, помчались прочь со двора... Мимо сидящего на земле Франила, с жалким бормотаньем пытающегося соединить разрубленного змея... Мимо Элтора, отирающего кинжал о траву ...

А за нами летели вынырнувшие из облаков аисты. Они, почти опускаясь на

плечи Кнаю, переливчато вскрикивали, будто радуясь на своем птичьем языке... Добежав до прибрежного луга, Кнай раскрыл крылья...

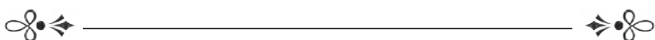
И вдруг я почувствовала, что ноги мои оторвались от земли! Что я лечу!

Ощущение не походило на легкость полетов во сне. Сейчас, наяву, я чувствовала тяжесть своего тела, только воздух стал плотным, как вода, и свободной рукой я отталкивалась от него и плыла по воздуху, держась за руку Кная. На миг мне показалось, что если отпустить его руку, то я и сама полечу. Будто всего и надо было оторваться от земли, а умение летать уже было в моем теле.

Но Кнай не выпустил мою руку:

– Почему-то всем кажется, что летать – это просто, – отрезвил он меня, – но пока умею летать только я, – сказал он определенно с превосходством. И тотчас взмыл стремительно вверх, увлекая и меня за собой.

Казалось, только сейчас он почувствовал себя свободным. Подняв голову, я увидела над собой его сияющее крыло. Оно все переливалось, по нему пробежали волнами маленькие радуги, и это было так красиво, что я включила камеру, заранее сожалея, что не удастся захватить полностью вид нашего полета.

– Взгляни вниз,– долетел до меня голос Кная, и я перевела объектив камеры вниз.

С высоты разноцветные дома-игрушки смотрелись еще забавнее, и было видно, как из домов выбегают люди...

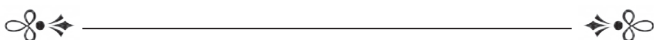
А почти под нами виднелась подъезжающая к городу знакомая пролетка. Резко снизив высоту, мы пролетели над ней. Элтор что-то кричал, показывая рукой вниз, видимо, предлагая нам спуститься. Но Кнай вместо этого стал набирать высоту.

Мы поднимались все выше. Уже остались далеко внизу и пролетка с Элтором, и крыши Иргоса, и отставшие от нас аисты. Казалось, еще миг и вообще исчезнет земля...

И тут Кнай отпустил мою руку! От неожиданности я стала камнем падать вниз... И с большой скоростью! А Кнай что-то закричал мне вслед, крестом раскинув руки. И я повторила его движение...

Я их почувствовала, свои крылья! Я не видала их, но я их чувствовала! Мое падение замедлилось... я могла управлять полетом... В ушах свистел проносающийся воздух, и казалось, что это поет небо. Я ощущала такую веселую легкость!

Но тут мне стало так страшно и так захотелось на землю!

В такой раздвоенности чувств я вспомнила о камере. Надо было записать этот эпизод, чтобы потом все осмыслить.

Повернувшись к Кнаю, я сняла камеру и, передавая ее, попросила:

– Запиши мой полет.

Он послушно взял аппарат в руку, с интересом разглядывая его.

– Куда записать... что это?

– Камера, – удивилась вопросу я.

– Что-что... опять твое странное словечко, – Кнай сердито сдвинул брови.

До меня дошло, что он никогда не видел камер, и я объяснила:

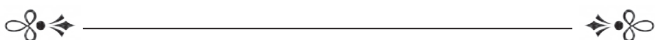
– Это как глаз: что увидит, то и запоминает... запиши, как я летаю... чтобы не забылось...

– А разве это забудется?

– Конечно же, нет... но со стороны я себя не вижу... вот, смотри, что камера записала на мельнице...

Взяв у Кная камеру, я вывела на экран последнюю запись на мельнице, и когда показался Франил со змеей на плече, передала камеру Кнаю. Он осторожно взял в руки овальный корпус аппарата... И когда брошенная Франилом змея полетела, будто сорвавшись с экрана прямо на Кная, тот отбросил камеру.

– Разве это надо помнить... такое надо забыть, – сказал, брезгливо отряхивая руку.

Но я не слышала его, бросившись спасать аппарат. Однако камера падала так быстро, я не успевала за ней!..

– Что ты наделал, – в отчаянье закричала, – теперь никто не поверит, что я летала...

– А разве это главное... важно, что ты будешь помнить... а запоминать надо только хорошее, – крикнул Кнай, удаляясь.

– Там были такие кадры, такие замечательные кадры, – не могла успокоиться я.

Было особенно обидно, что тот, кто найдет камеру, не сможет их увидеть, а здесь, в Иргосе, они произвели бы сенсацию.

Но Кнай, ничего не ответив, пошел на снижение. Испугавшись, что полет сейчас закончится, я мигом забыла про камеру и попросила вслед ему:

– Давай еще летаем, – мне так хотелось продлить полет.

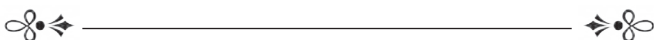
– Не хочу, – Кнай даже не глядел в мою сторону.

– Конечно, тебе хорошо... ты постоянно можешь летать, – разозлилась я.

– Постоянно? – переспросил он, оборачиваясь.

– Да, постоянно...

– Если бы не ты, кто знает, когда бы мне пришлось еще летать... постоянны только перемены, – и Кнай, раскинув крестом руки, поплыл вниз.

Он опустился на серебристое плотное облако.

– Хочешь покачаться, как на качелях... садись сюда, – крикнул он, постукивая ладонью рядом с собой.

Я и не знала, что внутри облаков идет маленький дождик...

Про этот дождик подруга никогда не забывала упоминать и, обрывая волнение, будто устав, повторяла замирающим голосом:

– Да-да, маленький дождик...

И такие живые чувства читались на ее худеньком лице с необычно блестящими глазами, когда она продолжала:

– Удивительно, как точно Элтор отмерил время! Ровно через два с половиной часа я стояла на том самом месте, откуда Элтор увез меня в Иргос.

– Ну, что же, дай руку, не надо грустить, – Элтор наклонился с козел пролетки ко мне.

Я была в раздвоенности чувств: возвращенная будничность знакомой улицы казалась родной и вовсе не скучной. И в то же время происшедшее в Иргосе, как я понимала, было так необычно, что не укладывалось в сознании, и только Элтор мог что-то объяснить.

Но я послушно подала руку, сдерживая слова, готовые сорваться с губ: от волнения я обычно говорю длинно и путано, так что лучше было помолчать.

Из замешательства меня вывел сидящий рядом с отцом Кнай:

– Нэл, ты же не забудешь наш полет?

И он еще спрашивал! Жаль только, что не было моей камеры, чтобы удостоверить, что это было, что я летала...

И вдруг у меня вырвалось:

– Этим летом заканчивается мое детство...

То не было ни вопросом, ни утверждением, просто выговорилось помимо моей воли.

– Кто тебе это сказал? – Элтор был явно удивлен моими словами, – детство никогда не заканчивается... оно просто перетекает в память... но куда важнее, что сегодня ты узнала о своем иргосском даре... и иргосский дар – не в тягость, а в радость...

Тут, будто поддакивая хозяину, рыжий конек звонко заржал. Мы одновременно взглянули на него и рассмеялись. И Элтор тронул повод...

Так подруга всегда и заканчивает изложение иргосской истории: веселой пробежкой нарядной пролетки вдоль знакомого переулочка. Не любит она прощаться, говорит, мол, прощанье – грустное чувство, потому и не следует его длить...

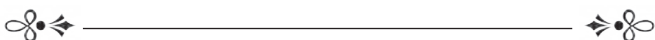
СЧАСТЛИВЧИК

Что счастье цветет, да цвет его
опадает, про то хорошо поется
Марусе, когда сидит она возле окошка,
укладывая сыночка спать, и только свет
ночничка комнату освещает, и тишина в
дому. Только покашливание мужа иногда
из соседней комнаты долетает – никогда
не уснет прежде сына Николай Саввич.

А что вместо колыбельной поет Ма-
руся песенку об отцветающем счастье,
так это оттого, что грустит мама моло-
дая, глядя на небо над яблоней, чуть не
в комнату к ней ветки свои приветливо
тянущей...

Раньше другие песни отзывались на
чувства Маруси, все больше веселые да
смешливые. И сама она была веселой
и смешливой, чего в ответ и от жизни
ожидала. Надеялась обойти жизненную
печаль, пойти по дорожке, где счастье
встретится и приветит ее, уведет в те
края, куда грусти-печали ходу нет.

И дождалась-таки Маруся – встретил-
ся ей счастливчик, какого сразу и наме-
тила дивчина себе в мужья. Счастливо-

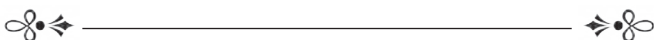
стью своей привлек ее Николай Савич – за что ни возьмется, все удастся мужчине, и завершённое дело провожает он присказкой любимой: «...всё путем...» говорит усмешливо гудящим басом.

Тогда Маруся и решила, что этуственность жизни передаст он ребенку своему и сделает ее материнство счастливым. Непременно требовалась назначенному Марусей для рождения человеку счастливость, чтобы, явившись в этот мир, он рассеивал жизненную печальность своим откровенным счастьем.

И вот тебе на: не наделил дитя удачливостью родитель его, Николай Саввич: ни звуком не подает сын знак, что понимает Марусины слова, хоть она подолгу говорит с ним, приучает к речи человеческой...

Задним числом корит в том Маруся только себя – что досадливо ойкнула, когда ей впервые поднесли новорожденное дитя: мол, радуйся, мамочка, сыночка на свет произвела... И тут она этому долгожданному ребеночку материнским напутствием на всю жизнь предстоящую огласила свое «ой!». В его крохотные ушки, скрытые слипшимися светленькими волосиками, влила мамочка первый яд жизни – не сдержала свою досаду, поскольку ожидалась ею девочка, всеми приметам предреченная.

Вот такой она и произошла – первая встреча матери и сына... И очень теперь жалеет Маруся, что эта ее досадливость вырвалась навстречу дитенку родненькому, только-только явившемуся в мир. А с какими надеждами яркими ожидалось это дитя!

За то материнское «ойканье» теперь сыночек и не желает с ней говорить, молчком слушает материнские разговоры. Уже и бегать начал вперевалку на своих ножках шустрых, а бессловесно бегаёт, как зверек какой...

Когда же Маруся его в платьица девчоночьи обряжает – куплены те были заранее: и платьица, и рубашечки ночные с оборочками, и все прочее для доченьки – муж только насмешничает:

– Сколько в сарафаны не обряжай хлопчика, а ножки у него, гляди, как мои – хоть сейчас на коня сажай... казацкому роду нет переводу...

И, гуцыкая сына, папаша опасно подбрасывает дите под самый потолок. Ничуть Николая Саввича не печалит удручающее Марусю долгое молчание сынка.

Вот оттого грустной песенкой про счастье вместо колыбельной и укачивает Маруся сыночка. А тот лежит с открытыми глазками – ангелочек бессловесный – не спит, а слушает, как она ему поет-распевает с нежнейшим чувством

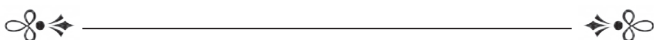
материнской печали в голосе. И тянутся на тот ее напев ветки яблоневого окошко, перед которым кроватка детская стоит... И духмяно дышит в комнату законный спорыш, плотненько застеливший землю мохнатым набитым ковриком.

И теплый запах еще не остывшего спорыша донесся ветерком ночным до Маруси, и всколыхнулось в ней воспоминание давнее. Да так затревожило, что и замолчала она, не допев песню...

В воспоминании том духмяность спорышевая не теплой ночной была, а залетела тогда с утренним ветерком в Марусину тогдашнюю колыбельку, что стояла именно там, где сейчас кроватка детская ее сыночка, откуда тот глядит на нее яркими глазками и будто все понимает...

И эта его бессловесная понятливость стала так ясна Марусе, что запальчиво, боясь, что скоро схлынет горячность воспоминаний, заговорила она с малышом, как с равным:

— Это окошко, сынок, счастливое... сейчас под ним твоя кроватка, а когда-то стояла моя... здесь я часто представляю себя той давней Марусечкой... в такой же ночной рубашечке с оборочками, какая сейчас на тебе... в такой же я была и тем счастливым утром... и представляю, как просыпаюсь... открываю глаза... вижу над собой сияние... такое теплое,

– она поперхнулась от невыразимости запечатленного памятью, – спросонок я потянулась к нему... к этому сиянию... вскарабкалась на подоконник и прыгнула... только не прыжок то был, а будто вверх полетела я...

Увлечшись воспоминаниями, Маруся заговорила громче, и сын затревожился, начал высвобождаться из кокона одеяльца.

– Нет-нет, не вставай, – спохватившись, урезонила его мать...

Но мальчишечка уже сел в кроватке, и вышедшая луна ореолом сияла в младенческих кудельках малыша... И, как бы сторонним оком, на его месте увидела Маруся себя... И живой картинкой восстал перед ее глазами тот полет в счастливый солнечный мир, полет, восстановленный сейчас в такой свежей силе, будто те младенческие мгновенья только и были в ее жизни. Будто все дальнейшее существование Марусино не принесло ей ничего, сходного с тогдашней жизненной полнотой.

Но тревога за сыночка скоро вытеснила счастливые воспоминания, и Маруся торопливо стала укутывать одеяльцем раскрывшегося малыша:

– Сыночек... не раскрывайся, а то простынешь... слушай дальше про счастье, – она, будто ожидая поддержки, оперлась

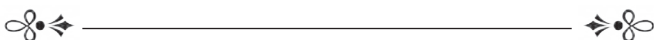

рукой о подоконник, – это он, тот самый счастливый подоконник, с которого я прыгала... я так подробно помню этот прыжок, будто прыгаю одна «я», а вторая «я» наблюдает за той, прыгающей... и запомнила все: и колыхания оборочек на рубашечке... и распушившиеся мои кудряшки... и если я расскажу все, с подробностями, то, может, и ты от меня переймешь то мое счастье...

Она замолчала, вопросительно взглянув на сына. Тот сидел, не двигаясь, глядя на нее странно глубоким взглядом, в который почему-то было страшно войти матери. И она отвела взгляд, перевела его на небеса, внимающие ее словам, озирающие ее и малыша лунным взглядом, осязаемо сочившим свое ласковое сияние...

Эта существующая рядом, за окном, загадочность мира, вливаясь, плескалась в матери невысказанными словами. И не в силах справиться в одиночку, она свою взрослую непонятливость перед жизнью стала переливать сторожким шепотом в младенчество сына:

– Ты знаешь, сын, думаю я, что та, вторая «я», была отделившейся от меня душой... эта пугливая душа, еще не уверенная в доставшемся ей моем теле, только-только вселившись в него, эта душа тогда следила за мной со стороны

...поэтому я и помню все так подробно... все-все помню... помню то чувство... не знаю, как назвать его... счастьем, наверное... хотя одного слова так мало... может, и вообще не придумали еще слова для того моего чувства...

Она с горячностью говорила, пытаясь укутать малыша в одеяльце, от которого тот настойчиво желал отделаться для какого-то действия. И мать отступилась, позволила сыночку делать, что тот желает, и, утомленная разговором, затихла, глядя, как, встав на ножки, малыш легко взобрался на подоконник и ловко пополз на край его...

А когда у самого края подоконника она поймала сына, тот все продолжал тянуться наружу, туда, где разливал лунное сияние ночной законный мир... Сын вырывался из рук матери, пытаясь младенческим своим лепетаньем что-то объяснить ей, непонимающей...

Но осторожная мать возвратила его в кроватку и, зацеловывая своего наконец-то заговорившего сына, в потоке его лепета вдруг ясно различила младенчески искаженное слово «счастье»... И, еще не веря себе, затаенно, будто страшась спугнуть явленное чудо, засмеялась...

И тут же, притянутый Марусиным смехом, явился в дверном проеме Нико-

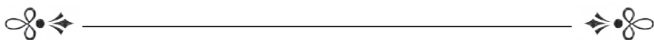
лай Саввич... И в один решительный шаг оказался он рядом, и встревоженно склонился над кроваткой... Но, услышав лепетанье малыша, осторожно взял сыночка из рук залившейся освобожденным смехом Маруси и, подняв дрыгающего ножками сына над собой, похвалил:

– Молодец... заговорил... и еще как заговорил казак... всё путем...

И, прислушавшись к лепетанью малыша, восхитился громыхнувшим басом:

– Ишь ты... о счастье белькочет, счастливчик...

СОДЕРЖАНИЕ

Дом восходящего счастья. <i>Повесть</i>	3
Полет из детства.....	102
Счастливчик.....	143

Литературно-художественное издание

ЛАРИСА ОЛЕНИНА
(Позднякова Ляля Леонидовна)

ДОМ ВОСХОДЯЩЕГО СЧАСТЬЯ

Повесть и рассказы

Верстка О.И. Сотникова
Корректор О.В. Мартьянова

Подписано в печать 18.05.2023 г.
Формат набора 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,98.
Заказ № 453. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77